

БИБЛИОТЕКА
УЖАСОВ

ПСЫ ТИНДАЛА

и другие рассказы

2

Выпуск

● Библиотека ужасов ● Выпуск 2 ●

«Псы Тиндала» и другие рассказы»

Перевод с английского Сюзанны Алукард и Вадима Терещенко

Художественное оформление Леонида Чистова

Сборник рассказов ужасов;

Москва, РИО «Дорис» экспериментального объединения
«Московский городской центр МЖК»

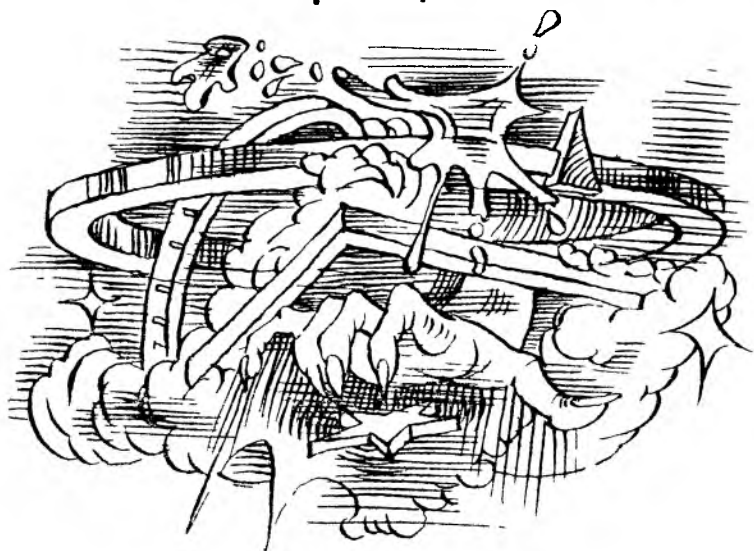
© Составление, перевод на русский язык
Сюзанны Алукард и Вадима Терещенко, 1991.

© Художественное оформление МГЦ МЖК, 1991.

ФРЭНК·БЕЛКНАТ
ЛОНГ

ПСЫ ТИНДАЛА

I

орошо, что ты пришел, — обрадовался Чалмерс. Он сидел с очень бледным лицом у окна, и две длинные свечи медленно оплывали возле его локтей, бросая болезненно-желтый ответ на тонкий нос и слегка срезанный подбородок моего друга. В квартире у Чалмерса не было ничего современного. Душой он был средневековым аскетом и предпочитал старинные рукописи и выпученные статуи каменных горгулий автомобилям, радиоприемникам и счетным машинкам.

Проходя через комнату к диванчику, который он для меня тут же расчистил, я мимоходом взглянул на его письменный стол и был сильно удивлен, обнаружив, что мой друг изучает замысловатые формулы знаменитого современного физика и уже успел исписать множество листков тонкой желтой бумаги загадочными геометрическими фигурами и цифрами.

— Эйнштейн и Джон Ди — довольно странное соседство, — заметил я, переводя взгляд от математических формул к его библиотеке, состоящей из шестидесяти или семидесяти томов. На полках из черного дерева прекрасно уживались друг с другом Плотиний и Эммануэль Москопул, Святой Фома Аквинский и Фрэнкл де Бюсси. Все стулья, обеденный и письменный столы были завалены материалами о средневековых предсказаниях, колдовстве, черной магии и прочих прелестях, от которых современный мир давно уже сознательно отказался.

Чалмерс загадочно улыбнувшись и протянул мне папиросу на искусно гравированном подносе.

— Мы только еще начинаем понимать, — сказал он, — что древние алхимики были на две трети ПРАВЫ, в то вре-

мя как твой современный биолог и материалист на девять десятых НЕПРАВ.

— Ты всегда презрительно относился к современной науке, — ответил я, нетерпеливо нахмурившись.

— Нет, только к засилию научного догматизма, — ответил он. — Ведь ты же знаешь, что я всегда был бунтовщиком, поклонником оригинальных и проигранных теорий, и отчасти поэтому я стремлюсь отвергать заключения современных биологов.

— А Эйнштейна? — спросил я.

— Он проповедует трансцендентальную математику, — задумчиво произнес Чалмерс. — Эйнштейн — глубокий мистик и исследователь величественного ОЖИДАЕМОГО.

— Тогда, выходит, что ты не всю науку презираешь?

— Конечно же, нет! — с жаром подтвердил он. — Я просто не доверяю тому научному позитивизму последних пятидесяти лет, который мы видим у Хэкеля, Дарвина и мистера Бертрана Рассела. Я считаю, что биологам так и не удалось объяснить тайну происхождения человека и его назначение.

— Дай им время, — отпарировал я.

Глаза у Чалмерса заблестели.

— Друг мой, — прошептал он, — твой каламбур просто великолепен. Дать им ВРЕМЯ!.. Именно это я и собираюсь сделать. Но, к сожалению, вы, современные биологи, пренебрежительно относитесь ко времени. У вас есть этот замечательный ключ, но вы им почему-то не пользуетесь. Однако что же мы в действительности знаем о времени? Эйнштейн считает, что оно относительно и может быть выражено в терминах теории искривленного пространства. Но стоит ли нам останавливаться на этом? Что если там, где теряется современная математика, мы сможем продвинуться вперед с помощью своей интуиции?

— Ты вступаешь на опасную тропинку, — предостерег я. — Это ловушка, которую сознательно избегали все знаменитые исследователи. Современная наука именно потому и движется вперед так медленно, что она не хочет принимать ничего, если это невозможно строго доказать или продемонстрировать на опыте. Ты же...

Но тут он перебил меня.

— По примеру восточных мудрецов я буду принимать опиум, гашиш, любые наркотики. И, возможно, тогда я смогу познать...

— Что?

— Четвертое измерение.

— Неужели ты не понимаешь, что все это — теософский бред!

— Возможно. Но я верю, что наркотики расширяют человеческое сознание. Уильям Джеймс, кстати, был полностью согласен со мной. И к тому же я открыл новый.

— Новый наркотик?!

— Да. Его применяли много веков назад китайские алхимики, но на Западе он почти неизвестен. Окультисты возможности этого препарата поистине потрясающи. И я считаю, что с его помощью и с помощью моих математических знаний я смогу путешествовать НАЗАД ВО ВРЕМЕНИ.

— Извини, но я не понимаю тебя.

— Время — это всего лишь наше несовершенное представление о новом измерении пространства. Время и движение — это иллюзия. Все, что существовало с начала мира, существует и сейчас. События, которые происходили на этой планете много веков назад, продолжают происходить и в данный момент, но только в другом измерении пространства. Так же, как и те события, которые произойдут через века, УЖЕ происходят. Мы же не можем почувствовать это только потому, что не в силах войти в то измерение пространства, в котором они содержатся. Человеческие существа, как мы их понимаем, — это только осколки, невообразимо крошечные частички одного громадного целого. Но в то же время каждый человек неразрывно связан со всей жизнью, которая существовала на этой планете до него. Я думаю, ты согласишься, что все наши предки — это часть нас самих. И только время отделяет нас от этих предков, а время — иллюзия, оно попросту не существует.

— Мне кажется, я начинаю понимать, — пробормотал я.

— Для меня будет вполне достаточно, если ты будешь хотя бы смутно представлять себе, чего я хочу достичь. А хочу я снять со своих глаз вуаль иллюзий, которую накинulo на них время, и увидеть НАЧАЛО и КОНЕЦ.

— И ты думаешь, что этот новый наркотик поможет тебе?

— Я уверен в этом. И прошу, чтобы ты мне помог. Я собираюсь принять это вещество немедленно. Я не могу больше ждать. Я должен ВИДЕТЬ. — Его глаза странно заблестели. — Я пойду назад, назад по времени.

Чалмерс поднялся и подошел к камину. Когда он снова

повернулся ко мне, на ладони у него лежала маленькая квадратная коробочка.

— Здесь у меня пять гранул наркотика Лао. Его применял великий китайский философ Лао Цзы, и именно под его воздействием он и созерцал Дао. А Дао — это самая таинственная сила в мире, она окружает все и проникает во все, она содержит в себе всю видимую Вселенную и все то, что мы называем реальностью. Тот, кто познает тайны Дао, ясно увидит все, что было, и все, что будет.

— Но это же бред! — не выдержал я.

Чалмерс не реагировал.

— Дао напоминает громадного неподвижно лежащего зверя, который держит на своем теле все миры нашей вселенной, все прошлое, настоящее и будущее. Мы же видим только части этого огромного чудовища через щель, которую люди называют временем. Но с помощью этого препарата я приоткрою щель. И я увижу огромную жизнь во всем ее величии, и этот спящий зверь явится передо мной полностью.

— А чего ты хочешь от меня?

— Наблюдай, мой друг. Наблюдай и записывай. И если я зайду слишком далеко, ты должен будешь вернуть меня в действительность. Это ты сможешь сделать, если начнешь меня сильно трясти. Если тебе покажется, что я страдаю от невыносимой физической боли, то пробуждай меня немедленно.

— Чалмерс, — сказал я, — я не хочу, чтобы ты проделывал такой опасный эксперимент. Ты сильно рискуешь. Я не верю, что существует четвертое измерение, и тем более я не верю в существование Дао. И я не одобряю твоего экспериментирования с неизвестными наркотиками.

— Я хорошо знаю свойства этого вещества, — ответил он. — Мне точно известно, как оно воздействует на человека, и я полностью сознаю, какую опасность от него можно ожидать. Риск здесь не столько в самом наркотике: я боюсь лишь одного — того, что могу заблудиться во времени. Поэтому я и хочу немного подстраховаться — прежде чем проглотить гранулы, я внимательнейшим образом изучу геометрические и алгебраические формулы, которые записал для себя на бумаге.

С этими словами он взял математические схемы, лежавшие у него на коленях, и, перед тем как углубиться в их изучение, еще раз попытался объяснить мне смысл своих намерений:

«Прежде чем я приму наркотик, который поможет мне управлять оккультными путями восприятия, — сказал Чалмерс, — я должен тщательно приготовить свой разум к путешествию во времени, чтобы встретить четвертое измерение с подготовленным сознанием. Прежде чем я войду в сказочный мир восточных мистиков, я использую всю помощь математики, какую только может предложить мне современная наука. Эти математические познания, этот сознательный подход к восприятию четвертого измерения только усилят действие препарата. Наркотик откроет мне невиданные новые возможности, а математическая подготовка позволит моему разуму схватывать все на лету. Иногда мне и раньше удавалось интуитивным путем на миг проникнуть в четвертое измерение — это случалось обычно при сильных эмоциях, во сне; но, проснувшись, я никогда не мог вспомнить, какие тайные красоты открывались мне в эти краткие мгновения.

Однако я верю, что с твоей помощью мне удастся восстановить в памяти все, что я видел уже в минуты этих неожиданных озарений. Ты же должен записывать каждое мое слово, пока я буду находиться под воздействием препарата. Неважно, какими невинными или странными могут показаться тебе эти слова — не пропускай ничего. Когда я пробужусь, то, возможно, смогу растолковать их, как бы таинственно или невероятно они ни звучали. Я не уверен, что мне это удастся, но вдруг все же получится? — Его глаза опять засветились тем же странным блеском. — И тогда время перестанет для меня существовать!»

Закончив этот монолог, Чалмерс резко опустил на стул.

— Я приступаю к эксперименту, — решительно заявил он. — Пожалуйста, встань у окна и наблюдай. У тебя есть авторучка?

Я мрачно кивнул и вынул из жилетного кармана свою бледно-зеленую ручку фирмы «Ватерман»

— А тетрадь, Фрэнк?

Я скривился и достал записную книжку.

— Я подчеркиваю, что не одобряю этот эксперимент, — недовольно пробормотал я. — Ты очень рискуешь.

— Да не будь ты, как старая вздорная баба! — раздраженно прервал меня Чалмерс. — Теперь уже никакие твои слова не смогут меня остановить. И стой тихо, пока я буду изучать эти схемы

Он снова поднес к глазам испещренные формулами бу-

маги и внимательно прочитал их. Я молча смотрел на монотонно тикающие каминные часы, отсчитывавшие последние секунды перед экспериментом, и вдруг меня охватил такой страх, что я чуть не задохнулся: неожиданно часы перестали тикать, и в этот самый момент Чалмерс проглотил капсулу.

Я быстро встал и подошел к нему, но его глаза умоляли меня не вмешиваться.

— Часы встали, — пробормотал он. — Значит, силы, которые управляют ими, одобряют мой эксперимент. ВРЕМЯ остановилось, и я проглотил наркотик. Господи, теперь мне только бы не заблудиться!

Чалмерс закрыл глаза и откинулся на диван. Кровь отхлынула от его лица, и он тяжело задыхался. Было ясно, что препарат действует очень быстро.

— Начинает темнеть, — прошептал он. — Запиши это. Начинает темнеть, и все знакомые предметы в комнате постепенно пропадают из виду. Я еще слегка различаю их через веки, но и эти очертания быстро стираются.

Я встряхнул ручкой, чтобы она начала писать, и застеночаграфировал то, что он сказал, а Чалмерс продолжал диктовать:

— Я покидаю комнату. Стены исчезают, и я больше не вижу знакомых вещей. Хотя твое лицо еще могу различить. Я надеюсь, что ты все записываешь. Мне кажется, что сейчас я совершу громадный прыжок через пространство. А может быть, я совершу свой прыжок именно через время. Я не могу точно сказать. Вокруг темно, и я ничего не вижу.

Некоторое время он молчал, голова его упала на грудь. Потом неожиданно Чалмерс напрягся и открыл глаза.

— Боже всемогущий! — закричал он. — Я ВИЖУ!

Он резко подался вперед и уставился на противоположную стену. Но я знал, что он смотрит сейчас сквозь стену, и все, что находится в этой комнате, более не существует для него.

— Чалмерс! — закричал я. — Чалмерс, тебя пробудить?

— Ни в коем случае! — пронзительно взвизгнул он. — Я ВИЖУ ВСЕ

Убедившись в том, что я не собираюсь ему мешать, он перевел дыхание и заговорил тихим взволнованным голосом:

«Миллиарды жизней, прошедшие на этой планете до меня, — сейчас все они передо мною. Я вижу людей всех воз-

растов, всех рас, всех цветов кожи. Они дерутся, убивают, строят, танцуют, поют. Они сидят у костров в серых пустынях и летают по воздуху в аэропланах. Они плавают по морю в старинных каноэ и в громадных теплоходах; они рисуют мамонтов и бизонов в темных пещерах и покрывают огромные холсты футуристскими символами. Я вижу переселение народов из Атлантиды и Лемурии. Я вижу еще более старые расы — странные орды черных карликов, переполняющие Азию, и неандертальцев с низкими лбами и согнутыми коленями — они бегают по Европе. Я вижу, как океан заливают греческие острова, вижу начало эллинской культуры. Я в Афинах, а Перикл еще молодой. Я стою на земле Италии. Я помогаю в похищении сабиянок; я марширую в легионе Императора. Я трепещу от удивления и благоговения перед тем, что проносится передо мной, и земля трясется под моими ногами. Тысячи обнаженных рабов склоняются под моим взглядом, а я проезжаю мимо в повозке из золота и слоновой кости, в которую впряжены черные быки из Тибеса. И девушки с цветами кричат мне: «Аве, Цезарь!», — а я киваю и улыбаюсь. Я сам раб на галерах. Я вижу, как возводится гигантский собор. Он поднимается камень за камнем, а я месяцы и годы стою и наблюдаю, как каждый камень ложится на свое место. Меня сжигают на кресте головой вниз в садах Нерона, где сильно пахнет тимьяном, и я с интересом и отвращением слежу за работой в камерах Инквизиции.

Я иду в самые священные места. Я вхожу в храм Венеры. В восхищении я преклоняю колени перед Магна Матер и кидаю монетки на обнаженные груди священных куртизанок, лица их закрыты вуалью, — я уже в Вавилоне. Я вхожу в театр Елизаветы и, хотя кругом плохо пахнет, аплодирую «Купцу из Венеции». Я гуляю с Данте по узким улочкам Флоренции. Я встречаюсь с юной Беатриче, и край ее платья спадает на мои сандалии, а я смотрю на нее с любовью и восхищением. Я — жрец Изиды, и моя магия поражает всех. Симон Магус встает передо мной на колени, умоляя помочь ему, а фараон трепещет, когда я начинаю к нему приближаться. В Индии я разговариваю с Учителями и с криком убегаю от них, потому что их откровения похожи на соль, которую сыплут на свежую кровоточащую рану.

Я воспринимаю все одновременно. Я воспринимаю все со всех сторон, я — часть этих кишаших миллиардов, окруживших меня. Я существую во всех людях, и все люди существу-

ют во мне. Я воспринимаю всю человеческую историю, все прошлое и настоящее как единый момент.

Если я просто напрягаюсь, то начинаю видеть дальше и дальше в прошлое. Сейчас я продвигаюсь сквозь странные искривления и углы. Углов и искривлений вокруг становится все больше и больше. Через искривления я понимаю очень многое. Оказывается, есть ИСКРИВЛЕННОЕ время и есть УГОЛЬНОЕ время. И существа, которые находятся во времени углов, не могут попасть в искривленное время. Это очень странно.

Я продолжаю двигаться назад. Человек исчез с Земли. Огромные рептилии ползают под гигантскими хвощами и плавают в мерзких черных болотах. Теперь исчезли и рептилии. Животных на Земле тоже не осталось, только под водой я отчетливо вижу, как среди гниющих водорослей медленно движутся громадные темные формы. И эти формы постепенно становятся все проще и проще. Теперь это уже отдельные клетки. А сейчас повсюду вокруг меня только углы; это странные углы, каких не бывает на Земле. Мне очень страшно. Здесь бездна, о которой человек никогда не предполагал!»

Я вздрогнул. Чалмерс встал на ноги и начал беспомощно жестикулировать руками.

— Я прохожу через неземные углы, я приближаюсь... ой к сжигающей ужасом бездне.

— Чалмерс! — закричал я, — Ты хочешь, чтобы я вмешался?

Он быстро поднес правую руку к лицу, как будто хотел закрыться от страшного зрелища, которое словами передать было невозможно.

— Пока еще нет! — прохрипел он. — Я пойду дальше. Я должен знать... что лежит... за пределами...

Холодный пот заструился по его лицу, плечи начали судорожно подергиваться.

— За пределами жизни есть... — его лицо вдруг посерело от ужаса, — ТВАРИ, которых я еще не могу различить. И они медленно движутся через углы. У них нет тел, но они непрерывно ползут сквозь самые разные углы.

И только тогда я ощутил в комнате запах. Он был отвратителен. Эта страшная, неописуемая вонь казалась настолько тошнотворной, что я едва мог вынести ее. Я быстро подошел к окну и распахнул его настежь. Когда же я велел к Чалмерсу и заглянул в его глаза, то чуть не поте-

рял сознание от страха — ужас, застывший в его взгляде, говорил лучше всяких слов.

— Мне кажется, они учуяли меня! — отчаянно заорал он. — Они медленно поворачивают в мою сторону.

Чалмерс сильно задрожал. Несколько секунд он беспомощно царапал руками воздух, потом ноги у него подкосились и он упал лицом вниз, застонал, и на губах его выступила пена.

Я молча наблюдал за ним. Чалмерс, содрогаясь, полз по полу. Это был уже не человек. Он оскалил зубы, и из уголков рта заканала густая слюна.

— Чалмерс! — закричал я. — Чалмерс, прекрати! Прекрати это немедленно, ты слышишь?

Как будто в ответ на мой призыв он стал издавать какие-то нечленораздельные, грубые и отрывистые звуки, которые лучше всего было бы сравнить с лаем собаки, и начал, громко стуча коленями, бегать на четвереньках кругами по комнате. Изловчившись, я нагнулся и схватил его за рукав. В отчаянии я принялся изо всех сил трясти его. Но он повернул голову и укусил меня за запястье. На мгновение мне стало плохо от боли и ужаса, но я не пытался освободить руку, опасаясь, что в припадке ярости он убьет себя.

— Чалмерс, — постарался как можно спокойнее сказать я. — Ты должен прекратить это. Ничто в этой комнате не причинит тебе вреда. Ты понимаешь?

Я продолжал трясти и убеждать его, и постепенно безумие исчезло с лица моего друга. Все еще сильно дрожа, он забрался на скомканный китайский коврик.

Я отнес его на диван и устроил там поудобнее. На лице Чалмерса застыло выражение боли и страха, и я понимал, что он все еще пытается избавиться от жутких впечатлений.

— Виски, — еле слышно прошептал он. — Бутылка в шкафу у окна, верхний ящик слева.

Когда я дал ему бутылку, он с такой силой схватил ее, что костяшки пальцев у него посинели.

— Они почти догнали меня, — скороговоркой выпалил он. Огромными глотками Чалмерс осушил бутылку, и постепенно здоровый цвет лица вернулся к нему.

— Это не наркотик, а черт знает что! — проворчал я.

— Да, это не наркотик, — как эхо откликнулся он.

Сумасшедшего блеска в его глазах больше не было, но все равно он выглядел, как безумный.

— Они почуяли меня в тот момент, когда я зашел слишком далеко, — простонал Чалмерс.

— А на что они были похожи? — спросил я, надеясь хоть как-то отвлечь его разговором.

Он подался вперед и схватил меня за руку. Его опять стало сильно трясти.

— Никакие слова в нашем языке не смогут их описать! — Вдруг он заговорил полусшепотом. — Они представлены туманными намеками в мифе о Падении, а также — в непристойном виде на изображениях, которые иногда находят в старинных рукописях. У греков было для них имя, которое удачно скрывало всю сущность их мерзости. Дерево, змей и яблоко — вот те слабые символы самой страшной тайны.

Теперь его голос поднялся до крика.

— Фрэнк, Фрэнк! Страшное, очень страшное действие было совершено в самом начале! Перед временем. До сотворения мира. А после этого действия...

Он встал и быстро зашагал по комнате.

— Действия мертвых проявляются через углы в темных углублениях времени... Они голодны и хотят пить!

— Чалмерс, — умолял я, пытаюсь хоть как-то успокоить его. — Мы живем в третьем десятилетии двадцатого века!

— Они тощие и хотят пить! — заорал он. — ПСЫ ТИНДАЛА!!!

— Чалмерс, может быть, я позвоню врачу? — осторожно спросил я.

— Врач мне не поможет. Они — ужас души, и все же... — Тут он закрыл лицо руками и застонал. — Они реальные, Фрэнк. Я видел их всего лишь одно мгновение — в этот страшный момент я стоял на ДРУГОЙ СТОРОНЕ. Я находился на светло-серых берегах вне времени и пространства. В страшном свете, который не был светом. В тишине, которая вопила. И там я видел ИХ...

Неожиданно Чалмерс смолк и в какой-то скробной задумчивости обвел глазами комнату. Я не решился прервать повисшую паузу, но вдруг он весь подался вперед и с растущим напряжением в голосе заговорил:

«Все зло Вселенной сосредоточено в их тощих, голодных телах. Или, может быть, у них вовсе не было тел?.. За тот краткий миг, что я видел их, мне не удалось как следует разглядеть, и я не могу сказать точно. Но я слышал, как они дышат. Я не могу это описать, но в тот момент я почувствовал их дыхание на своем лице. Они повернулись ко мне,

и я с криком бросился убегать. Спасаясь от них, я пролетел миллиарды лет.

Но все же они почуяли меня. Люди пробуждают в них великий космический голод. К счастью, миллионы лет назад человеку удалось скрыться от той грязи и зла, которые их окружают. И теперь им нужно то чистое, что появилось в человеке за время его истории от действия светлых и ничем не запятнанных сил. Дело в том, что в нас есть нечто такое, что не принимало участия в том страшном действии, которое было вначале, и это они ненавидят. Но не вообрази себе, что они в буквальном прозаическом смысле — зло. Они стоят вне зла и добра, как мы понимаем эти слова. Они — то, что в самом начале отвернулось от чистоты. И после сотворения мира они стали телами смерти, вместилищем всего отвратительного и грязного. Но они не зло в НАШЕМ понимании этого слова, потому что в сферах, где они движутся, нет ни мысли, ни морали, ни правых, ни неправых, ни света, ни тьмы. Там есть только чистота и грязь. Грязь выражает себя через угол, чистота — через искривления. Человек, чистая его часть, произошел из искривлений. Не смейся. Я говорю это в буквальном смысле».

Я встал и начал искать свою шляпу.

— Мне очень жаль тебя, Чалмерс,—сказал я, направляясь к двери, — но я не собираюсь оставаться здесь дольше, чтобы выслушивать весь этот бред. Я пришлю тебе своего доктора. Это милый сухонький старичок, и он не обидится на тебя, если ты пошлешь его ко всем чертям. Но я все же надеюсь, что ты с уважением отнесешься к его советам. Недельный отдых на хорошем курорте подействует на тебя исцеляюще.

Я слышал, как он смеялся мне вслед, пока я спускался по лестнице. Но смех его был таким невеселым, что я чуть не расплакался.

II

Когда Чалмерс позвонил мне на следующее утро, первым моим побуждением было сразу же повесить трубку. Но его просьба оказалась такой необычной, а голос настолько взволнованным, что я даже подумал, что если буду иметь с ним дело, то и сам смогу сойти с ума. Однако я не мог сомневаться в его искренности и в том, что он глубоко несчастен, а когда он замолчал, я услышал, как он плачет прямо в трубку. И тогда я решил исполнить его просьбу.

— Ладно,—согласился я. — Я сейчас же приду к тебе и принесу гипс.

По дороге к дому Чалмерса я зашел в скобяную лавку и купил двадцать фунтов гипса. Когда я вошел в комнату своего друга, то увидел, что он съехался у окна и смотрит на противоположную стену выпученными от страха глазами. Заметив меня, он тут же поднялся и схватил сверток с гипсом с такой жадностью, что я просто опешил. К моему приходу Чалмерс вытащил из комнаты всю мебель, и теперь его жилище представляло собой довольно унылое зрелище.

— Возможно, мы сумеем расстроить их планы! — воскликнул он. — Но нам надо работать быстро, Фрэнк. В холле есть лестница, немедленно неси ее сюда. А потом достань ведро воды.

— Зачем? — тихо спросил я.

Чалмерс резко повернулся ко мне, лицо его покраснелось.

— Чтобы развести гипс, дурак ты! — закричал он.—Чтобы развести гипс, который спасет наши тела и души от страшного заражения. Нужно немедленно развести гипс, чтобы мы могли спасти мир от них. Фрэнк, их надо держать подальше от людей!

— Кого? — еще тише спросил я.

— Псов Тиндала! — выпалил Чалмерс. — Они могут добраться до нас только через углы. Поэтому мы должны избавиться от всех углов в этой комнате. Я замажу гипсом все углы и все трещины. Нам нужно сделать эту комнату такой, чтобы она напоминала внутреннюю поверхность шара.

Я знал, что спорить с ним уже бесполезно, и мне пришлось отправиться за лестницей. Чалмерс развел гипс, и мы принялись за работу. Через три часа были замазаны все двенадцать внутренних углов помещения, соединявших стены между собой, а также с полом и потолком. После этого мы зашпаклевали оконные рамы, подоконник и косяк двери.

— Я останусь в этой комнате до тех пор, пока они не вернутся, — начал убеждать меня Чалмерс, когда мы закончили работу. — Как только они обнаружат, что запах ведет их лишь к искривлениям, они уберутся назад. Но они уйдут туда злыми, рычащими и неудовлетворенными, потому что не смогут принести в наш мир ту грязь, которая была в самом начале, за пределами времени и пространства.

Чалмерс тяжело опустился на пол и зажег сигарету.

— С твоей стороны было очень мило помочь мне, — поблагодарил он меня.

— Ты не хочешь, чтобы тебя осмотрел врач? — снова взмолился я.

— Возможно... завтра, — пробормотал он. — А сейчас я должен внимательно наблюдать и ждать.

— Чего ждать? — не унимался я.

Чалмерс едва заметно улыбнулся.

— Я знаю, что ты считаешь меня ненормальным, — сказал он. — Беда в том, что у тебя хоть и проницательный, но прозаический ум, и ты не можешь понять того, что существует и происходит вопреки законам силы и материи. А тебе когда-нибудь приходило в голову, друг мой, что сила и материя — это только барьеры на пути восприятия, которые ставят нам время и пространство?.. Но когда человек на своем опыте познает, что время и пространство идентичны, и что они обманчивы, поскольку являются лишь несовершенными проявлениями высшей реальности, тогда он не станет искать в видимом мире объяснений извечным тайнам и ужасам бытия.

Я поднялся и направился к двери.

— Извини меня! — закричал он мне вслед. — Я не хотел тебя обидеть. У тебя величайший ум, но у меня... у меня — сверхчеловеческий. И поэтому вполне естественно, что я вижу всю ограниченность твоего сознания.

— Позвони мне, если я тебе понадобится, — сухо бросил я уже на лестнице и спустился вниз, перешагивая сразу через две ступеньки. «Я должен сейчас же прислать сюда своего врача, — бормотал я сам себе. — Он безнадежный маньяк, и Бог знает, что он еще может натворить, если кто-нибудь не займется им немедленно».

III

Ниже приведены краткие выдержки из двух заметок, которые были опубликованы в «Патриджвиль Газетт» за 3 июля 1928 года:

1) ПОДЗЕМНЫЕ ТОЛЧКИ В ФИНАНСОВОМ РАЙОНЕ ГОРОДА

«Сегодня в два часа ночи неожиданные подземные толчки выбили несколько зеркальных стекол в первых этажах домов на Центральной площади и полностью парализовали электрическое снабжение в городе, включая работу трамва-

ев. Волны землетрясения чувствовались и в прилегающих районах; шпиль церкви Иоанна Крестителя на Анжел Хилл (архитектор Кристофер Рен, 1717) был полностью разрушен. Пожарники пытаются остановить огонь, который угрожает клеевым заводам Патриджвилля. Как сообщил мэр города, расследование причин непонятных подземных толчков в нашем не подверженном землетрясениям районе будет проведено незамедлительно, и если удастся установить виновных, они понесут самые суровые наказания».

2) СТРАШНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ:

— **писатель-оккультист убит неизвестным посетителем**

— **смерть Гэлпина Чалмерса окружена тайной**

«Сегодня в девять часов утра в пустой комнате над ювелирным магазином Смитвича и Исаака (Центральная площадь, дом 24) было обнаружено тело Гэлпина Чалмерса, писателя и журналиста. Проведенное полицейским дознавателем расследование показало, что Чалмерс снял меблированную комнату первого мая сего года и две недели назад сам добровольно избавился от всей мебели и обстановки. Г-н Чалмерс был членом Библиографического союза и автором нескольких загадочных книг на оккультные темы. Раньше он жил в Бруклине, штат Нью-Йорк.

В семь часов утра мистер Л. Е. Ханкок, который снимает квартиру напротив комнаты Чалмерса в доме Смитвича и Исаака, почувствовал необычный запах, когда открыл дверь, чтобы выпустить кошку и забрать утреннюю местную газету. Он утверждает, что запах был очень острым и неприятным, и особенно сильно стало пахнуть, когда он приблизился к двери Чалмерса. Ему пришлось даже зажать нос рукой.

Мистер Ханкок собирался уже вернуться в свою квартиру, когда вдруг в голову ему пришло, что, возможно, Чалмерс забыл выключить в кухне газ. Взволновавшись от этого предположения, Ханкок решил проверить его, но стук в дверь не принес никаких результатов. Тогда он позвал на помощь смотрителя, и тот открыл дверь дубликатом ключа. Двое мужчин быстро вошли в комнату Чалмерса. В помещении совершенно не было мебели, и Ханкок уверяет, что как только он посмотрел на пол, сердце у него замерло, а смотритель, не произнеся ни слова, прошел к распахнутому окну и целых пять минут стоял возле него, глядя на здание, находящееся напротив.

Чалмерс лежал распростертый на полу посередине ком-

наты. Он был совершенно голый, а его руки и грудь покрывала какая-то вязкая жидкость, сильно напоминающая злокачественный гной. Голова убитого неестественно покоилась на груди. Она была полностью отделена от тела, а лицо настолько сильно разодрано и изувечено, что вошедшие не сразу смогли опознать в покойном своего соседа. Крови нигде не было видно.

Сама по себе комната выглядела очень странно — все углы между стенами, потолком и полом были сильно замазаны гипсом, но в некоторых местах гипс откололся и упал, и кто-то собрал эти осколки вокруг тела убитого таким образом, что они образовали равносторонний треугольник.

Около трупа было найдено несколько обугленных листов тонкой желтой бумаги. На них изображались фантастические геометрические фигуры и символы, а на некоторых было что-то написано торопливой рукой. Слов почти не удалось разобрать, а содержание того, что все же было расшифровано, оказалось настолько абсурдным, что не давало никакого ключа к поимке преступника. «Я жду и наблюдаю,— писал Чалмерс. — Я сижу у окна и смотрю на стены и потолок. Я не верю, что они смогут добраться до меня, но я должен опасаться дозлей. Возможно, именно ОНИ и помогут им ворваться сюда. Могут помочь также и сатиры, и тогда они беспрепятственно пройдут через алые круги. Греки знали способ, как предотвратить это. Как жаль, что мы так много забыли».

На другой листке бумаги, самом обугленном из всех, обнаруженных сержантом Дугласом (детективом Патриджвилем), было написано следующее: «Боже мой, гипс отваливается! Сильная вибрация ослабила гипс, и он начал падать. Неужели землетрясение? Я никогда бы не смог предвидеть этого. В комнате становится темно. Надо позвонить Фрэнку. Но успеет ли он прийти? Я попытаюсь. Я прочитаю наизусть формулу Эйнштейна. Я... Боже мой, они уже ломаются! Дым поднимается из углов. Их языки... Это конец!»

По мнению детектива, сержанта Дугласа, Чалмерс был отравлен каким-то неизвестным химическим веществом. Он послал часть голубой слизи, обнаруженной на теле Чалмерса, в химическую лабораторию Патриджвиля и уверен, что результаты анализов прольют новый свет на одно из самых таинственных преступлений за последние годы. В том, что накануне землетрясения у Чалмерса был гость, сомневаться не приходится, потому что его сосед ясно слышал ти-

хие голоса разговаривающих людей в комнате убитого, когда проходил мимо. Подозрение падает на этого неизвестного посетителя, и полиция прикладывает все усилия, чтобы разыскать его».

IV

Отчет Джеймса Мортонa, химика и бактериолога:

«Уважаемый мистер Дуглас!

Жидкость, присланная мне для анализа, оказалась самой необычной из всех, которые мне когда-либо приходилось исследовать. Она напоминает живую протоплазму, но в ней нет особых веществ, называемых ферментами. Ферменты катализируют химические реакции, происходящие в живых клетках; когда клетка умирает, они заставляют ее разлагаться путем гидролиза. Без ферментов протоплазма должна обладать продолжающейся жизнеспособностью, то есть бессмертием. Ферменты — это, так сказать, негативные компоненты одноклеточного организма, который является основой всей жизни. То, что живая материя может существовать без ферментов, учеными-биологами категорически отрицается. И тем не менее, вещество, которое вы мне прислали — живое, но в нем нет этих «необходимых» тел.

Бог мой, сэр, вы осознаете, какие перспективы это может открыть?»

V

Выдержка из трактата «Тайный наблюдатель», написанного покойным Гэлпином Чалмерсом:

«Что если параллельно той жизни, которую мы знаем, существует другая жизнь, которая продолжается вечно, в которой нет элементов, разрушающих нашу жизнь? Возможно, в другом измерении есть другая сила, отличная от той, что создает нашу жизнь. Возможно также, что эта сила испускает энергию, которая проникает из этого неизвестного измерения к нам и создает новые формы клеточной жизни в нашем мире. Никто не знает, существует ли в нашем измерении такая клеточная жизнь. Но я видел ее проявления. Я РАЗГОВАРИВАЛ с ними. Ночью в своей комнате я общался с доэлями. А во сне видел их создателя. Стоя на темном берегу за пределами времени и материи, я видел Его. Он двигался через странные искривления и самые разные углы. Когда-нибудь я совершу путешествие во времени и встречу с ним лицом к лицу...»

КАРЛ • ЯКОБИ

ОТКРОВЕНИЯ ВЧЕРАШНЯЯ

то было старое заброшенное место на Харбор стрит. Потертая вывеска над магазином гласила: «Джованни Ларла — АНТИКВАРИАТ», а тускло освещенную витрину покрывал толстый слой пыли.

Как только я перешагнул порог магазина в то безрадостное сентябрьское утро, чтобы спастись от дождя, да еще, пожалуй, из-за интереса к старинным вещам, тоска и заброшенность сразу же окутали меня почти материальной пеленой. Внутри было темно, посередине возвышалась груда каких-то коробок, обшитых вылинявшей тканью, в которой кое-где просвечивали дыры. Я увидел старинную итальянскую мебель времен Ренессанса — один шкаф покосился, и когда я проходил мимо, мне показалось даже, что он нахмурился.

— Добрый день, синьор. Вы хотели бы что-нибудь купить? Картину, кольцо или, может быть, вазу?

Я оглядел появившегося из темноты приземистого толстого итальянца, владельца магазина, и задумался.

— Нет, просто посмотреть, — сказал я, глядя на возвышающиеся повсюду горы старинного хлама. — Ничего особенного мне не нужно...

Лоснящееся лицо хозяина расплылось в улыбке, будто он слышал эти слова уже тысячу раз. Он вздохнул, помолчал, прислушиваясь к барабанной дробі дождя по окнам, а потом очень медленно подошел к полкам, как будто размышляя о чем-то. В конце концов он достал откуда-то увесистый предмет, который оказался раскрашенным кубком.

— Шестнадцатый век, — пробормотал он невнятно. — Настоящее произведение искусства, синьор.

Я отрицательно покачал головой.

— Мне не надо никакой посуды, — сказал я. — Может быть, я куплю у вас книги, но посуда мне не нужна.

Хозяин нахмурился.

— Книги у меня тоже есть, — ответил он. — Старинные книги, которые никто вам не продаст, только Джованни Ларла. Но вы должны осмотреть и другие мои сокровища.

По-видимому, Джованни Ларла не любил спешить. Прошло минут пятнадцать, за которые он предложил мне брошь с камеей, резной стул непонятного стиля и эпохи, целую кучу пожелтевших статуэток, облупившиеся масляные миниатюры и пару огромных портлендских ваз. Несколько раз я нетерпеливо поглядывал на часы, размышляя о том, как бы мне получше отделаться от этого назойливого лавочника и выбраться из его мрачного магазина. Вспыхнувший было интерес к древностям к тому времени у меня уже прошел, и мне хотелось поскорее на улицу.

Но когда он попросил меня пройти в самую глубь магазина, одна вещь все же привлекла мое внимание. Я и не подозревал, что в эту секунду беру с полки подлинную книгу ужасов. Если бы я знал, какие события это повлечет за собой, если бы только мог предвидеть те дни, которые последуют для меня за этим промозглым сентябрьским утром, то клянуся, что я отшатнулся бы от книги, как от прокаженной, убежал бы из этого магазина и впредь никогда больше не подходил бы близко к той улице, избегая ее, как проклятое Богом место. Тысячу раз потом я повторял, что многое отдал бы, чтобы не заметить этой книги на полке. И не было бы тогда всех тех терзаний души, ужаса, страхов и безумия, которые обрушились на меня впоследствии.

Но я, ничего не подозревая о тайнах, заключенных в эти страницы, небрежно погладил переплет и заметил:

— Какая необычная книга. Что это?

Ларла мельком взглянул на книгу и сразу же помрачнел.

— Она не продается, — тихо ответил он. — Не понимаю, как она очутилась на этой полке. Она принадлежала моему бедному брату.

Томик, оказавшийся в моих руках, и вправду был очень необычен. Размерами не более четырех дюймов на пять, он был переплетен в черный бархат. Каждый угол обложки украшал треугольник из слоновой кости. Я никогда в жизни не видел такой красивой работы. В центре обложки имелся еще один кусочек слоновой кости, вырезанный в форме черепа. Но больше всего меня поразило название книги. На переплете тонкой золотой тесьмой было вышито: «Пять единорогов и жемчужина».

Я посмотрел на Ларлу.

— Сколько это стоит? — спросил я и решительно полез в карман за бумажником.

Но он опять покачал головой.

— Нет, это не продается. Это... последний труд моего брата. Он написал эту книгу как раз перед смертью. Он умер в одном... лечебном заведении.

— В лечебном заведении?

Ларла ничего не ответил, продолжая задумчиво смотреть на пыльный бархатный переплет. Очевидно, мысли его были сейчас где-то очень далеко. Молчание затягивалось. Но когда он наконец заговорил, в его глазах блеснул какой-то странный огонек. И мне показалось даже, что пальцы у него дрожат.

— Мой брат Алессандро был прекрасным здоровым человеком до того, как написал это, — медленно начал Ларла. — Он писал великолепно, синьор, и был здоровым и сильным. Часами я мог сидеть и слушать его, когда он читал мне свои стихи. Он был мечтателем, мой брат Алессандро, любил все красивое и возвышенное, и мы были счастливы вдвоем. До тех пор, пока не наступила та страшная ночь. И потом он... Но нет, не стоит вспоминать — прошел уже целый год. Лучше все забыть, — Ларла провел рукой по лицу и шумно вздохнул.

— Так что же случилось? — спросил я.

— Случилось, синьор? Я и сам толком не знаю. Все это так запутано... Неожиданно он заболел, причем заболел безо всякой причины. Румянец здорового итальянца исчез с его лица, и он стал очень бледным, похудел. Силы оставляли моего брата с каждым днем. Доктора прописывали ему разные лекарства, но ничего не помогало. Он становился все слабее, и той ночью...

Я с любопытством посмотрел на него, сильно заинтригованный его волнением.

— И что же потом?

Ларла слегка раскачивался из стороны в сторону и нервно сжимал кулаки, глаза его стали влажными и как будто хотели выскочить из орбит.

— А потом... О, если бы я только мог позабыть все это! Это было так ужасно. Бедный Алессандро прибежал домой весь в слезах. Он что-то кричал. В эту ночь, синьор, он... сошел с ума.

Потом его забрали в сумасшедший дом, сказав, что ему

нужен полный покой, что он перенес сильнейшее потрясение. Но он... он умер через три недели. Умер, целую распутию.

Несколько секунд я молчал, наблюдая за дождевыми каплями, ползущими по окну, а потом спросил:

— Так он написал эту книгу, когда уже попал в сумасшедший дом?

Ларла кивнул.

— Три книги, — ответил он. — Две остальные точно такие же, как та, которую вы держите сейчас в руках. Переплеты он сделал, конечно, когда еще был здоров. Он собирался переписывать туда от руки свои стихотворения. Ему очень нравилась эта работа. Но то, что он записал сюда, эти его безумные мысли, — я так и не читал... И не собираюсь читать. Я хочу сохранить о нем память, как о здоровом человеке. Эта книга попала на полку случайно. Я положу ее вместе с остальными его вещами в другое место.

Мое желание прочитать страницы, переплетенные в черный бархат, усилилось в сотни раз, когда я узнал, что это невозможно сделать. Я всегда интересовался психологией безумных людей и прочел уже немало работ на эту тему. Сейчас же передо мной было произведение, написанное в сумасшедшем доме. В полном варианте, безо всяких купюр, я держал в руках труд образованного человека, потерявшего рассудок. Интуиция подсказывала мне, что в этой рукописи скрывается какая-то тайна. И я решил для себя, что должен завладеть книгой во что бы то ни стало.

Я повернулся к Ларле, пытаясь как можно тщательнее выбирать выражения.

— Я прекрасно понимаю ваше желание оставить эту книгу у себя, — сказал я. — И поскольку вы отказываетесь продать ее, то, может быть, вы разрешите мне поддержать ее у себя хотя бы один вечер? А я обещаю вам, что завтра утром обязательно ее верну.

Итальянец колебался. Стоя у полки, он нервно перебирал массивную цепочку старинных часов.

— Нет, извините меня...

— Десять долларов, и завтра она будет у вас в целости и сохранности.

Ларла начал разглядывать свои ботинки.

— Ну хорошо, синьор, я верю вам. Но пожалуйста, я прошу вас, очень прошу, верните мне ее завтра же.

И вечером в тишине своей квартиры я с нетерпением рас-

крыл этот удивительный фолиант. Немедленно мое внимание привлекли три строчки, написанные женской рукой на обратной стороне обложки каким-то выцветшим красным раствором, который более походил на кровь, чем на чернила. Я прочитал: «Откровения, которые должны были разрушить мое могущество без кола, только укрепили его. Читай, безумец, и войди в мои владения, потому что теперь мы скованы одной цепью. Скорбите по Ларле».

Некоторое время я размышлял над этими непонятными мне фразами, так и не находя разгадки. Потом перевернул страницу и начал читать последнее произведение Алессандро Ларлы. И передо мной развернулись события самой непонятной истории, которую я только встречал за долгие годы изучения многочисленных старинных книг.

«Вечером пятнадцатого октября я вышел на улицу и шел до тех пор, пока не почувствовал усталость, — писал Ларла. — Рев настоящего уже слабо отдавался вдалеке, и я подошел к двадцати шести сойкам, безмолвно созерцающим руины. Проходя мимо них, я смотрел на скелеты деревьев и сел так, чтобы было видно рыбу, злобно глядящую на меня. Рядом молился ребенок. Стекла бросили на меня луну. Трава пела литании у моих ног. И острая тень медленно двигалась по левую руку.

Я брел по серебристому гравию и подошел к пяти единогограм, галопирующим возле воды прошлого. И здесь я нашел жемчужину — великолепную, красивую жемчужину, но черную. Она благоухала, как цветок, и я даже подумал, а не маска ли этот запах? Но зачем же такому совершенному созданию носить маску?..

Я сел между смотрящей на меня рыбой и галопирующими единогограмми и почувствовал, что безумно влюблен в жемчужину. Прошлое стерлось в однообразии настоящего и...»

Я отложил книгу в сторону и откинулся на спинку кресла, наблюдая за клубами дыма, медленно выползающими из моей трубки и поднимающимися к потолку. В книге были и еще записи, но я ничего больше не смог разобрать. И дальше все было написано таким же странным слогом, который совершенно не поддавался расшифровке. И все же мне показалось, что этот рассказ — не просто бред сумасшедшего. За туманными фразами здесь скрывались действительные события, покрытые вуалью символов.

И вдруг какое-то наваждение охватило меня. Видимо, от всего, только что прочитанного, мне стало не по себе. Строч-

ки вертелись в моей голове, и я почувствовал, что во мне постепенно растут волнение и страх.

В комнате стало душно и неуютно. Меня манили открытые окна и улица. Я подошел к окну, отодвинул в сторону занавески и простоял так некоторое время, глубоко затягиваясь трубкой. Позвольте здесь сообщить вам, что я вообще очень сильно подчиняюсь своим привычкам, и с годами они стали просто частью меня самого. Так, например, я никогда не имел обыкновения в ночное время бродить без дела по улицам, а вот сейчас, что показалось мне очень странным и любопытным, я вдруг ощутил сильнейшее желание выйти из дому и совершить прогулку.

Я нервно зашагал по комнате. Отсчитывая минуты, в тишине громко тикали каминные часы. И в конце концов я положил трубку на стол, взял шляпу и пальто и направился к двери.

Как это ни смешно, но как только я вышел на улицу, так сразу же почувствовал необходимость двигаться в определенном направлении. Я понял, что ни в коем случае не должен отклоняться от направления на север, и хотя на севере города лежал совершенно не знакомый мне район, я уверенно зашагал туда, методично выбирая улицы и переулки, ведущие к окраине города. Была прекрасная лунная сентябрьская ночь. Лето уже кончилось, и в воздухе приятно пахло чуть подмороженной зеленью. Огромные часы на Капитолии громко пробили полночь, в магазинах и учреждениях свет уже не горел, и постепенно огни гасли в жилых домах, в то время как я неуклонно продвигался все дальше и дальше на север.

По дороге я безуспешно пытался выкинуть из головы эту странную книгу. Но целые предложения из нее то и дело всплывали в моей памяти, и постепенно любопытство мое возрастало. «Пять единорогов и жемчужина»! Что же это такое?

Затем все сильнее и сильнее я начал осознавать, что иду в северном направлении не по собственному желанию. Кто-то вел меня туда. И когда я неожиданно остановился, то желание идти дальше с такой силой нахлынуло на меня, как только может овладеть наркоманом желание немедленно принять наркотик.

И вот в самом конце Истерли стрит я подошел к высокой каменной стене. За ней, немного поодаль, через лепные украшения мне удалось разглядеть большое темное здание.

В стене находились и кованые железные ворота, за которыми начиналась совершенно разрушенная и заброшенная территория, поросшая сорняками и травой. В лунном свете я увидел старое кладбище с фонтанами, каменные лавочки, полуразрушенные статуи и надгробья. Окна здания, которое когда-то, наверное, было частным владением, сейчас оказались заколоченными, кроме тех, что находились в небольшой башенке.

Перед самыми воротами я остановился. Та неведомая сила, которая привела меня сюда, теперь уже казалась мне совершенно реальной. Она исходила откуда-то из кладбища и влекла меня к себе с такой непреодолимостью, что сопротивляться ей было абсолютно невозможно.

Как это ни странно, ворота оказались незапертыми, и, как человек, находящийся в состоянии глубокого транса, я открыл их. Тяжелые створки скрипнули и пропустили меня вовнутрь. Я медленно двинулся вперед по густой траве, направляясь к каменной лавочке у фонтана. Мне показалось, что как только я вступил сюда, все звуки города внезапно исчезли и растворились, оставив лишь пустоту и тишину, прерываемую редкими завываниями ветра, шевелящего мертвую траву. Передо мной стояло заброшенное старинное здание с высокими темными окнами, напоминающее огромную собаку, изготовившуюся к прыжку.

Я увидел несколько фонтанов, скульптурные украшения на которых были изрядно потрепаны временем и стихией, но поначалу я не обратил на них особого внимания. Чуть подалее стояла наполовину скрытая травой статуя ребенка, изображенного в момент молитвы. Мягкий камень сильно крошился от времени, и лицо ребенка казалось сейчас отвратительным и неузнаваемым.

Как долго я просидел в этой тишине, я не знаю. Но само это кладбище как нельзя лучше соответствовало моему настроению. И кроме того я чувствовал, что не в силах просто встать и уйти отсюда.

И тут я вскочил со скамейки как ошпаренный. Внезапно я понял, какое значение имели все эти предметы, окружавшие меня. Я замер на месте, безумно оглядываясь по сторонам, и отказывался верить своим глазам. Конечно, мне все это снится! Много необычного я видел в своей жизни, но это.. Такого просто не могло быть. И все же...

Первым делом я обратил внимание на фонтан, находившийся ко мне ближе других. Через бассейн для воды скака-

ли ПЯТЬ каменных ЕДИНОРОГОВ. Идеально вырезанные из камня, они как бы галопом неслись друг за другом. Переведя взгляд немного подальше и помимо воли вспоминая какие-то смутные намеки, я ясно увидел в лунном свете возвышающийся над кладбищем шпиль здания, который бросал на землю ОСТРУЮ ТЕНЬ как раз СЛЕВА от меня. Другой фонтан был оформлен в виде рыбы, и ее огромные пустые глазницы зловеще смотрели прямо на меня. И в довершение всего — стена! На ней через каждые три фута сидело по каменной птице. И, пересчитав фигуры, я убедился, что это и были те самые ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ СОЕК.

Без сомнения, как бы страшно и невозможно это ни казалось, я находился в том же самом месте, которое описал в своей книге покойный Ларла! Это было ошеломляющее открытие, и я чуть не сошел с ума, осознав его. Как странно, ведь я никогда не бывал прежде в этих местах, и тем не менее некая сила привлекла меня сюда и бросила в самый центр событий, описанных более года тому назад.

Теперь я понял, что Алессандро Ларла, вспоминая это место уже в сумасшедшем доме, лишь выхватывал из действительности отдельные детали, не пытаясь и не желая объяснять их. И здесь лежала большая проблема для психолога — как разгадать эту страшную сказку, написанную безумным погибшим итальянцем-символистом? Все это меня крайне заинтересовало, и я задумался.

Но вдруг, словно с тем чтобы притупить мое волнение и тревогу, во двор вкрадся нежный запах. Он появился до того незаметно, что как бы слился для меня с лунным светом. Стоя у фонтана, я глубоко втянул носом воздух и понял, что постепенно запах становится все более приторным и назойливым, и уже начинает болезненно впитываться в мои легкие, как сигаретный дым. Гелиотроп! Сладкий аромат тропического цветка повис в воздухе, застилая все вокруг.

И тут произошло второе чудо. Оглянувшись по сторонам, чтобы определить, откуда исходит этот приторный запах, я увидел напротив себя женщину, неподвижно сидящую на каменной скамеечке. Она была полностью облачена в черное, а лицо ее скрывала вуаль. Казалось бы, она не замечает моего присутствия. Незнакомка замерла, слегка наклонив голову, и по ее виду можно было легко определить, что она о чем-то глубоко задумалась.

Рядом с ней я заметил и другое существо. Это была собака — огромный черный пес с удивительно непропорцио-

нальной головой и большими, как плошки, глазами. Некоторое время я стоял неподвижно, молча наблюдая за ними. Хотя было уже довольно прохладно, на женщине не оказалось ничего, кроме длинного черного платья, на фоне которого ее шея казалась особенно белой.

Вздохнув от сожаления, что мое одиночество нарушено, я прошел через дворик и медленно приблизился к ней. Но она продолжала не замечать меня. Поэтому мне пришлось сперва вежливо откашляться, после чего я нетвердо спросил:

— Я полагаю, вы — владелица этого места? Я... Я на самом деле не думал, что здесь кто-то есть, и ворота... понимаете, ворота оказались незапертыми. Извините, что я вторгся к вам.

Женщина ничего не ответила, а пес внимательно осмотрел меня и равнодушно отвернулся. Никаких вежливых слов прощания в голову мне не приходило, поэтому я молча отступил назад и тихонько направился к воротам.

— Пожалуйста, не уходите, — неожиданно окликнула меня незнакомка, и наши взгляды встретились. — Я так одинока. О, если бы вы только знали, как я одинока! — Она подвинулась к краю лавочки и жестом пригласила меня сесть рядом. Собака продолжала молча смотреть на меня своими огромными янтарными глазами.

Не знаю, что именно подействовало на меня — то ли близость запаха гелиотропа, то ли вся эта неожиданность положения, в котором я оказался, а может быть — таинственный лунный свет, но при ее словах я внезапно почувствовал, как приятная истома растекается по всему моему телу, и с удовольствием принял приглашение.

Некоторое время мы просидели молча, и в эти секунды я раздумывал над тем, как бы получше завязать с ней разговор. Но неожиданно она повернулась к псу и произнесла на немецком:

— Форт мит дир, Йоганн!

Собака послушно встала и бесшумно скрылась в темноте кустов. Я с облегчением посмотрел вслед громадному зверю, медленно уходящему в направлении здания. Потом женщина обратилась ко мне на английском, иногда употребляя в разговоре высокопарные слова, причем в речи ее слышался легкий иностранный акцент:

— Я уже целую вечность ни с кем не разговаривала... Я понимаю, что мы совершенно чужие друг другу — я не знаю

вас, а вы не знакомы со мной... И все же... иногда даже незнакомые люди находят какую-то связь между собой, и у них бывают общие интересы. Может быть... мы ненадолго забудем о формальностях и посчитаем так, якобы мы уже были представлены друг другу? Давайте?

Отчего-то при этих словах пульс мой стал значительно чаще.

— Сделайте одолжение, — ответил я. — Это место само по себе представляет нас друг другу. Скажите, а вы что же, живете здесь?

Некоторое время она не отвечала, и я подумал, что слишком уж резко ухватился за ее предложение. Потом моя собеседница медленно произнесла:

«Меня зовут Перл фон Морен, и я чужестранка в этих местах, хотя и живу здесь уже более года. Мой дом находится в Австрии — как раз там, где сейчас протекает граница с Чехословакией. Понимаете, я приехала в Соединенные Штаты с целью разыскать своего единственного брата. Во время войны он был лейтенантом у генерала Макенсена, но в 1916 году... как мне помнится, это случилось в апреле... нам сообщили, что он пропал без вести... — Женщина тяжело вздохнула. — Война очень жестока. Она отняла у нас деньги, замок на Дунае, а затем и моего любимого брата. Все то, что было потом, мне даже страшно вспоминать: мы жили, не зная, что с нами будет завтра, и всей душой надеялись, что он все-таки остался в живых, хотя оснований думать так у нас не было никаких.

А потом, уже в мирное время, один офицер рассказал мне, что он работал вместе с моим братом во Франции в тюрьме около Монпре. Они якобы вместе служили в похоронной бригаде и помогали солдатам рыть могилы. А после этого прошел слухок, будто брат мой живет сейчас в Соединенных Штатах. И тогда я собрала немного денег и приехала сюда, чтобы разыскать его».

На мгновение она замолчала и невидящим взглядом уставилась на коричневые заросли засохших сорняков. Когда же она заговорила опять, ее голос показался мне еще более тихим и взволнованным.

— Я... я нашла его... Но я молила Бога, чтобы лучше этого не случилось! Он... уже не жил.

Я удивленно посмотрел на нее.

— Он умер? — деликатно спросил я.

Скрывающая лицо женщины вуаль затрепетала, будто

ее случайно задела, и я понял, что моя собеседница вспомнила какое-то страшное событие из своей жизни. Не обращая внимания на мой вопрос, она продолжала:

— И вот сегодня вечером я пришла сюда — сама даже не знаю, почему — наверное, просто оттого что ворота были открыты, а внутри двора стояла такая тишина... Ну что, я, наверное, уже надоела вам со своими откровенностями и рассказами о моем собственном горе?

— Вовсе нет, — ответил я. — Я и сам забрел сюда совершенно случайно. Вероятно, красота этого места привлекла меня. Видите ли, я занимаюсь любительской фотографией, и на меня довольно сильно действуют всякие не совсем обычные места в городе. А сегодня я решил прогуляться перед сном, чтобы из головы у меня выветрилось неприятное впечатление, оставленное одной книгой.

В ответ на это она неожиданно произнесла довольно странную фразу, которая никак не вязалась с нашим разговором, и мне показалось даже, что она сказала это, не подумав:

— Книги, — заметила она, — очень сильны. Они могут сковать человека крепче, чем тюремные стены.

Видимо, уловив мой озадаченный взгляд, женщина тут же добавила:

— Как странно, что мы встретились именно здесь.

Некоторое время я не отвечал. Я думал о запахе гелиотропа, исходящем от нее, и решил, что для женщины ее культуры, а она казалась мне довольно знатного происхождения, столь сильный запах духов не свидетельствует о хорошем вкусе. У меня даже создалось впечатление, что этот аромат скрывает какую-то тайну, и если его убрать, то передо мной... Но что будет передо мной?..

Проходили часы, а мы по-прежнему сидели на скамейке и разговаривали, наслаждаясь обществом друг друга. Она не снимала вуали, и хотя мне очень хотелось посмотреть на ее лицо, я не осмеливался попросить ее об этом. И странное беспокойство понемногу начало овладевать мною. Спору нет — женщина была очаровательной, прекрасной собеседницей, но в то же время в ней было что-то такое, что заставляло меня чувствовать себя не в своей тарелке.

Все случилось, как мне помнится, буквально за несколько минут до восхода солнца. Теперь, когда я вспоминаю об этом в дневное время, и меня окружают реальные земные вещи, мне не сложно оценить все значение и истинный

смысл того видения. Но тогда я был настолько поражен происшедшим, что абсолютно ничего не смог понять.

По саду пронеслась какая-то бледная тень и сразу же завладела моим вниманием. Я посмотрел на шпиль высокого пустого здания и вздрогнул, как будто меня неожиданно ударили сзади. Какую-то секунду мне казалось, что прямо надо мной зависло некое подобие облачка, но это облачко постепенно приняло форму чудовищной летучей мыши с огромными распростертыми над моей головой крыльями.

Я крепко зажмурился и сразу же снова открыл глаза.

— Облако! — воскликнул я. — Что за странное облако! Вы видели?..

Запнувшись, я глупо уставился на скамейку. Она была пуста. Женщина исчезла.

На следующий день я занялся своими обычными делами в адвокатской конторе, и мой компаньон как-то странно поглядывал на меня всякий раз, когда слышал мое невнятное бормотание. События прошлой ночи вновь и вновь проносились перед моими глазами и не давали покоя. Неразрешимые вопросы нудно стучались в мою голову. Каким же образом я смог очутиться именно в тех местах, которые описал в своей книге сумасшедший Ларла: пучеглазая рыба, молящийся ребенок, двадцать шесть соек, острая тень от дома — все это было необъяснимо, и от этого особенно страшно.

«Пять единорогов и жемчужина»... Единороги — это каменные статуи, украшения на фонтане, все правильно. Но жемчужина?.. И тут я с ужасом вспомнил имя женщины в черном — Pearl von Mogen¹. Что же все это значит?

За обедом я сидел довольно рассеянный. Днем мне удалось забежать в антикварный магазин и выпросить у брата Алессандро продолжение, второй том книги. Сначала он отказывался, протестовал, поскольку я так и не вернул ему первую рукопись, но тут я почувствовал, что нервы мои не выдерживают. Я ощутил в себе дьявольский огонь, подобный тому, который сжигает наркомана всякий раз, когда наркотик становится ему недоступным. В каком-то отчаянии, и сам не зная почему, я начал предлагать ему большие деньги, и в конце концов мои убеждения подействовали — назад я вернулся уже с книжкой в кармане.

¹ Pearl (перл) — жемчужина (англ.). — (Прим. перев.).

По внешнему виду она была похожа на первую, только названия на обложке уже не было. Но если я и ожидал найти в ней какие-то объяснения таинственным символам первого тома, то был обречен на горькое разочарование. Книга оказалась такой же туманной, как и «Пять единорогов и жемчужина», но текст в ней еще больше свидетельствовал о том, что его создавал расстроенный разум. Пытаясь как-то соединить по смыслу несвязные предложения, я понял, что Ларла совершил второе путешествие в те же места и снова встретился со своей «жемчужиной».

Почти в самом конце рукописи я нашел один абзац, который сильно удивил меня. Написано было так:

«Неужели это возможно? Молю, что нет. И все же я видел это и слышал, как оно рычало. О, мерзкое существо! Я никогда, никогда не поверю в это!»

Я закрыл книгу и попытался отвлечься, начав протирать линзы своего нового фотоаппарата. Но опять, как и прежде, какое-то дикое желание охватило меня. Мне вновь страстно захотелось пойти в тот двор. Признаюсь, что я только и ждал, когда же наконец пробьет заветный час, и я смогу снова увидеть ту женщину в черном. Как ни странно, я чувствовал, что хотя она и исчезла в прошлый раз так внезапно, сегодня она обязательно должна появиться на том же месте. Мне безумно хотелось снять с нее вуаль, поговорить с нею. Я жаждал вновь утонуть в реалиях повествования Ларлы.

Однако все это так противоречило здравому смыслу, что я, напрягая всю свою волю, попытался откинуть эти мысли прочь. И вдруг мне в голову пришла идея: какую отличную фотографию можно сделать, если заснять ее на каменной лавочке, всю в черном, на старом кладбище, да еще на фоне классического замка. Если бы только мне удалось поймать такой момент и запечатлеть его на фотографической пластинке!..

Я перестал протирать линзы и на секунду задумался. С современными электрическими вспышками, которые пришли на смену старым пороховым, я смог бы осветить весь сад и довольно легко заснять нужный сюжет. А если отпечаток получится удовлетворительным, то можно будет попробовать внести свой вклад в международный конкурс на лучшее фото в Женеве, который состоится в следующем месяце.

Эта мысль мне понравилась, и, собрав все необходимое, я надел длинное пальто (так как была сырая холодная ночь), тихо выскользнул из комнаты и уверенно зашагал на

север. Каким же безумным и слепым дураком я был тогда! Если бы только я мог остановиться, вернуть в магазин книги и на этом все оборвать!.. Но необъяснимая волшебная сила уже завладела мною, и я очертя голову бросился в этот кошмар.

Нудный дождь барабанил по мостовой, на улицах не было ни души. Где-то на востоке луна тщетно пыталась пробиться сквозь плотное одеяло туч, но сильный южный ветер давал надежду на то, что вскоре небо очистится. Я поднял воротник к закутанному в шарф горлу и через час подходил уже к старой части города. Найдя знакомые ворота — а они, как и вчера, оказались незапертыми, — я вошел в темный двор, подернутый мгlistой дымкой.

Женщины еще не было. Но я почему-то ни на секунду не сомневался, что попозже она обязательно появится. И теперь я с азартом погрузился в свои собственные планы: установил камеру на парапет фонтана, тщательно настроил линзы объектива на каменную лавочку, где она сидела в прошлый раз. Вспышку с батареей и ручку к ней я положил так, чтобы в удобный момент смог до них дотянуться.

Едва я закончил все приготовления, как услышал на гравийной дорожке осторожные шаги и сразу же обернулся. Женщина подходила к скамейке в том же длинном платье и все в той же черной вуали.

— Вы снова пришли? — рассеянно спросила она, как только я подсел к ней.

— Да, — тихо ответил я. — Я был не в силах остаться дома.

В основном мы говорили о ее умершем брате, хотя несколько раз мне показалось, что она хочет переменить тему. Я понял, что он слыл в семье «непутевым» сыном, вел беспорядочный образ жизни и был даже исключен из венского университета, но не только за то, что неуважительно относился к некоторым преподавателям, но и за свои необычные работы по философии. Потом он очень много пережил в лагере для военнопленных. С каким-то мрачным удовольствием она рассказывала мне о подробностях работы в похоронной бригаде, которые услышала от его приятеля-офицера. Но о том, как он умер и от чего, не было произнесено ни слова.

Еще сильнее, чем в предыдущую ночь, стал запах гелиотропа. И снова, как только этот липкий приторный аромат заполнил мои легкие, я почувствовал, что начинаю нервни-

чать. Мне показалось, будто этот запах скрывает нечто такое, что мне обязательно необходимо узнать. Желание сорвать вуаль стало совершенно безумным, но все же мне не хватало смелости попросить ее открыть лицо.

К полуночи тучи исчезли, и луна теперь ярко освещала весь двор, наполнив его причудливым переплетением резких теней. Пришло мое время.

— Пожалуйста, сидите на месте, — попросил я. — Я сейчас вернусь.

Отступив к фонтану, я схватил ручку вспышки, приподнял ее над головой, а другой рукой нащупал затвор фотоаппарата. Женщина на скамейке не шевелилась, очевидно, удивленная моими движениями. Вид был великолепным. Раздался щелчок, и ослепительный свет на мгновение залил все вокруг. В лучах вспышки мне удалось разглядеть, как прекрасно она смотрится на фоне старой стены. И тут же снова вернулся голубоватый призрачный блеск луны, а я счастливо заулыбался.

— Теперь у меня получится отличное фото! — радостно сообщил я.

Женщина резко вскочила на ноги.

— Идиот! — грубо закричала она. — Глупец! Что вы наделали!

Даже несмотря на то, что она была в вуали, я явственно ощущал и почти видел, как гневно засверкали ее глаза, сжигая меня лютой ненавистью. Я в полном недоумении смотрел на нее. Женщина стояла прямо, слегка откинув голову, тело ее напряглось до предела, и неприятная дрожь вдруг пробежала у меня по спине. Потом, не сказав ни слова, она подобрала подол платья и бегом бросилась к дому, за несколько секунд скрывшись в темных зарослях.

Я по-прежнему стоял возле фонтана и удивленно смотрел ей вслед. Но неожиданно из темноты у дома до меня донеслось низкое звериное рычание.

И прежде чем я успел опомниться, огромная серая тень выскочила из кустов и прыжками рванулась прямо ко мне. Это была та самая собака, которую я видел с женщиной прошлой ночью. Но теперь передо мной было уже совсем не то тихое и спокойное существо. Морда пса перекосилась от злобы, клыки обнажились. И в тот момент, когда я застыл как вкопанный от ужаса, я отчетливо запомнил эти раздутые ноздри и бешеную ярость в диких темных глазах.

Во мгновение ока зверь оказался рядом со мной. Я лишь

успел поднять вверх руку со вспышкой, пытаюсь защитить ею лицо, и отскочил в сторону. Пес тут же бросился на руку, и я услышал, как с хлопком раскололась лампочка и острые зубы вцепились в рукоятку вспышки. Я упал на спину, закричал и почувствовал, как огромное тело наваливается на меня.

Беспомощно барахтаясь в кладбищенской пыли, я бил кулаками по разъяренной морде и старался отыскать горло пса, судорожно сжимая пальцами горячую волосатую плоть. Я уже чувствовал на своем лице его смрадное свистящее дыхание и сопротивлялся с растущим отчаянием.

Давление моих рук дало о себе знать — собака закашлялась и на секунду отступила. Пытаясь воспользоваться этим мгновением, я вскочил на ноги, ринулся вперед и с силой ударил пса ногой в бок.

— Форт мит дир, Йоганн! — закричал я, вспомнив, как приказывала ему женщина.

Пес отступил, все еще злобно щерясь и рыча на меня, и некоторое время простоял в неподвижности. Потом неожиданно повернулся и бесшумно исчез в густой высокой траве.

Дрожа от страха и навалившейся слабости, я попытался взять себя в руки, поднял фотоаппарат и заспешил к воротам.

Прошло три дня. Но мне показалось, что минула целая вечность, так долго и нестерпимо мучительно тянулась эта пытка.

На следующий день после той жуткой ночи, когда на меня напала собака, я понял, что буду не в состоянии идти на работу. Выпив две чашки крепкого черного кофе, я для начала заставил себя спокойно сидеть на стуле, пытаюсь хоть как-то сосредоточиться. Но тут взгляд мой упал на фотоаппарат, лежавший рядом на столе, и это вернуло меня к жизни. Через пять минут я сидел уже в своей темной комнатке, приспособленной под фотолaborаторию, и проявлял снимок, сделанный накануне. Я работал лихорадочно быстро — меня подгоняла мысль о том, какой замечательный вклад я внесу в женевский конкурс любительской фотографии, если результаты окажутся удовлетворительными.

Но испуганный вскрик слетел с моих губ, едва я взглянул на еще мокрый отпечаток. Я увидел на фото старый сад — все было предельно ясно, вплоть до мельчайших веточек — статую молящегося ребенка, фонтан и стену на заднем плане; но скамейка — та самая каменная скамейка —

была пуста. На ней не оказалось ни женщины, ни даже малейшего намека на нее.

Промыв негатив от насыщенного раствора хлорида ртути в воде, я обработал его железным оксалатом. Но и после такого тщательного проявления никаких изменений не произошло. Каждая деталь была прекрасно видна, скамейка четко вырисовывалась на фоне старой стены, но женщины по-прежнему не было.

Однако я прекрасно видел ее, когда нажимал на кнопку аппарата. Уж в этом-то я был абсолютно уверен. И аппарат мой вполне исправен. Но что же тогда произошло?.. Я отказывался поверить своим глазам, пока не рассмотрел снимок при дневном свете. Никакое объяснение не приходило мне в голову, совсем никакое. И в конце концов, так ничего и не поняв, я пошел в кровать и забылся глубоким сном.

Проспав весь следующий день, я уже потом начал припоминать, будто ночью просыпался от какого-то кошмарного сна, но у меня даже не было сил оторвать голову от подушки. Очевидно, меня охватила чисто физическая усталость. Мои руки и ноги лежали на кровати, как омертвевшие. Сердце билось до того слабо, что каждый его удар казался мне последним. Вокруг было настолько тихо, что я ясно слышал тиканье своих наручных часов. Занавеска развевалась от легкого ночного ветерка, хотя мне казалось, что я сразу же закрыл окно, как только вошел в комнату.

Я откинул голову назад и тут же закричал. Потому что в легкие мои начал медленно проникать тот самый знакомый запах проклятого гелиотропа!

Когда настало утро, я понял, что все это было не сном. В голове у меня шумело, руки тряслись, и я настолько ослаб, что еле держался на ногах. Когда пришел доктор, за которым я послал экономку, он сразу же нащупал мой пульс и нахмурился.

— Вы сильно истощены, — сказал он. — Если вы не позволите себе хорошенько отдохнуть, то можете помешаться в рассудке. Попробуйте не думать ни о чем серьезном. И если вы не возражаете, я обработаю эти две ранки на вашей шее. Они совсем свежие. Где вы так поранились?

Инстинктивно проведя рукой по шее, я посмотрел на ладонь и с ужасом обнаружил, что пальцы мои запачканы кровью.

— Я... я не знаю, — запинаясь, произнес я, похолодев от страха.

Доктор занялся своими лекарствами и через несколько минут уже встал, чтобы уходить.

— Я советую вам не вставать с постели по крайней мере неделю, — сказал он на прощанье. — А потом я тщательно обследую вас и проверю, остались ли признаки малокровия.

Но когда он подходил к двери, я заметил на его лице выражение крайнего недоумения.

В последующие часы мои мысли опять начали путаться. И я дал себе торжественную клятву, что позабуду обо всем происшедшем, вернусь к работе и ни разу больше даже мельком не взгляну на эти книги. Но я прекрасно знал, что ничего из этого у меня не получится — женщина в черном настолько завладела моим разумом, что каждая минута вдали от нее казалась мне теперь нестерпимой пыткой. Однако хуже всего было то, что возникшее у меня желание прочесть третью, последнюю книгу Алессандро Ларлы, постепенно достигло такой силы, что я стал буквально одержим им.

В конце концов я не смог больше бороться с собой и на третий день нанял такси, которое отвезло меня в антикварный магазин. Там я пытался уговорить Ларлу отдать мне третий том сочинений его брата. Но итальянец оказался упрямым. Он напомнил мне, что я и так уже взял у него две книги и ни одной еще не вернул, и заявил, что пока я не отдам их, он и слушать ничего не хочет. Я тщетно пытался доказать ему, что одна книга без другой не имеет никакого смысла, и читать их надо все вместе, последовательно. Но он просто пожал плечами и ничего мне не ответил.

Холодный пот выступил у меня на лбу, когда я понял, что мое желание не осуществится. Я долго спорил с ним, умолял его. Но все было напрасно.

И тогда, дождавшись, пока Ларла отвернется, я схватил заветную книжку, которую заранее приметил на полке, незаметно сунул ее в карман и тихо выскользнул из магазина, терзаемый жестокими угрызениями совести. Но теперь я уже не сожалею больше о том, что сделал это. В свете всего, происходившего со мною в те дни, становится вполне очевидным, что кто-то подталкивал меня к воровству, тогда как вся моя воля в это время была полностью подавлена, а книга лежала рядом как приманка.

Вернувшись домой, я сразу же сел в кресло и поспешно раскрыл бархатный переплет. Здесь была последняя, заключительная часть повествования о событиях, в водоворот которых я оказался вовлеченным за последние пять дней. Тре-

тый том загадочного произведения Ларлы. Может быть, на этих страницах я найду, наконец, объяснение? Но если так, то какие секреты откроются мне?

Мягкий свет от настольной лампы беззвучно струился по моим плечам. Я открыл книгу, медленно разгладил большим пальцем страницы и снова поразился странному печатному почерку. Затем мне показалось, что пока я так сидел, вокруг меня образовалось почти материальное облако спокойствия и тишины, потушившее в себе шум улицы. Но одновременно что-то не давало мне читать и мешало сосредоточиться. Странно, но это только подтолкнуло меня. И очень медленно я принялся перелистывать страницы, начав с конца.

Снова символы. Неясные, блуждающие мысли больного рассудка.

Но неожиданно я замер. Взгляд мой упал на последний абзац последней главы, то есть на самые последние строки Алессандро Ларлы. Я читал, перечитывал и снова читал их, вдумываясь в эти страшные слова. Каждую букву я просматривал в свете лампы медленно, аккуратно и тщательно. Потом ужас их смысла дошел до меня.

Кроваво-красными чернилами было написано:

«Что же мне делать? Она выпила мою кровь, и душа моя прогнила. Моя жемчужина черна, как само зло. Будь проклят ее брат, ибо он сделал ее такой. Я верю, что истина этих страниц разрушит их на века. Да поможет мне Небо. Перл фон Морен и ее брат Иоганн — вампиры!»

Я вскочил с кресла.

— Вампиры!!!

Схватившись за край стола, я долго стоял так, покачиваясь и дрожа всем телом. Вампиры! Эти страшные существа, которые питаются человеческой кровью, принимая обличье людей, летучих мышей, собак.

Все события предыдущих дней в бешеном темпе пронеслись передо мной, представ во всем своем ужасе, и я ясно понял теперь значение каждой мелкой, но страшной подробности.

Ее брат Иоганн — через некоторое время после войны он стал вампиром. Когда же несчастная женщина отыскиала его много лет спустя, он и ее заставил принять это жуткое существование.

Они выбрали тот заброшенный двор своим логовом и год назад заманили туда Алессандро Ларлу. Он любил эту жен-

щину, обожал ее. А потом узнал ее страшную тайну и сошел с ума.

Да, он стал безумным, но безумие не остановило его, и он успел написать обо всем в трех своих книгах. Он считал, что его откровения смогут навсегда уничтожить и женщину, и ее брата. Но этого оказалось недостаточно.

Я схватил со стола первую книгу и раскрыл ее в самом начале. И снова увидел эти бледные, нацарапанные торопливой рукой строчки, которые раньше не имели для меня никакого значения:

«Откровения, которые должны были разрушить мое могущество без кола, только укрепили его. Читай, безумец, и войди в мои владения, потому что теперь мы скованы одной цепью. Скорбите по Ларле».

Это написала Перл фон Морен! Ведь по замыслу Алесандро эта книга должна была положить конец и ей, и ее брату. Но несчастный итальянец не знал, что есть только один способ сделать это. И все же книга была написана не напрасно. С ее помощью он указал путь другим...

Эти книги связали вампиров, приковав Перл фон Морен и ее брата Йоганна к старому саду с кладбищем, и они не могли больше ходить по городу в поисках своих жертв. И лишь только тот, кто проникал через ворота в сад, мог стать их добычей.

Здесь действовал старый метафизический закон: перед лицом истины зло сжимается, становится меньше и теряет свою полную власть.

И все же, хотя книги и приковали вампиров к этому заброшенному саду, они провели новый путь прямо к ним в логово. И те, кто читал эту трилогию, неизбежно попадали в их западню. Эти строчки становились как бы связкой на пути к ним. Они были ловушкой, сетью, в которой обязательно запутывался читатель. Вот почему моя жизнь так тесно переплелась с событиями, описанными в книге Ларлы. В тот момент, когда я открыл первую страницу, я уже попал под их власть, и со мной должно было произойти то же самое, что и с Ларлой год назад. Я попал в сети женщины в черном. Но как только я прошел через открытые ворота сада, связывавшая нас сила книг потеряла свое значение, и они могли преследовать меня уже где угодно, чтобы...

У меня закружилась голова от неожиданной мысли. Теперь мне стало ясно, чему так удивлялся доктор. Я понял,

откуда у меня неожиданно появилась такая слабость. Она — она питалась моей кровью! Но если Ларла не знал, что делать с таким существом, то уж я-то знаю. Путешествуя по южной Европе, я много узнал об этом древнем зле и о том, как с ним бороться.

В отчаянии я оглядел комнату. Стол, кресло, кровать, наконец — тренога одного из моих фотоаппаратов. Это было как раз то, что нужно! Схватив штатив за деревянную ножку, я с силой вырвал ее и переломил об колено пополам. Теперь у меня в руках было два острых кола, и, не надевая шапки, я выскочил из дома.

Через несколько секунд такси уже мчало меня на север.

— Быстрее! — кричал я водителю, с опаской глядя на заходящее солнце. — Быстрее, вы слышите?!

Мы летели через весь город в самую дальнюю северную его часть. На каждом светофоре я вскипал от ярости. Но наконец нам удалось все же добраться до этого злосчастного сада.

Распахнув настежь железные ворота и зажав под мышкой два куска сломанной ножки, я стремительно ворвался во двор. При дневном свете кладбище и сад казались самыми обычными — лишь старое здание и высокие заросли кустов молча глядели на меня.

Я сразу направился к дому и по скользким ступенькам поднялся к парадному входу. Но дверь была заперта и заколочена досками. Сойдя вниз, я обошел вокруг здания, отыскивая другой вход. Именно к нему и побежала в тот раз женщина, после того как я попытался ее сфотографировать. В конце концов мне удалось найти черный ход и лестницу, ведущую в подвал. Внутри я увидел узкий проход. На полу валялся мусор и отбитые камни, а потолок украшали бесчисленные паутины.

Я осторожно подался вперед, и глаза мои скоро привыкли к полумраку. Сумрачный свет едва пробивался сюда сквозь темные от грязи стекла.

В конце коридора была еще одна дверь. Толкнув ее, я застыл на пороге, не решаясь двинуться дальше. Взгляду моему открылась небольшая комнатка, всего в десять квадратных футов, с низко нависшим потолком. И при слабом свете гаснущего заката я увидел посреди пыльного пола два гроба из светлого дерева.

Не знаю, сколько я простоял так в дверях, мерно покачиваясь из стороны в сторону и приходя в себя...

Из комнаты шел острый запах гелиотропа. Но сейчас он смешивался со смрадом открытой старой могилы.

И тут я резко рванулся вперед и сдернул крышку с одного из гробов.

Если бы только небо дало мне силы забыть то, что я в нем увидел! Там лежала женщина в черном, но уже без вуали.

Это лицо — оно казалось божественно красивым; волосы ее были черные и блестящие, как мех соболя, а щеки бледны. Но ее губы!.. Мне стало плохо, как только я взглянул на них. Они были алыми... и липкими от свежей человеческой крови.

Я взял один кол, схватил с пола большой камень и приставил деревянное острие к сердцу женщины. Потом отвернулся и изо всех сил ударил камнем по колу. Он тут же ушел вглубь тела. Гроб неистово затрясся. Прямо в лицо мне ударил теплый сладковато-тошнотворный запах гниющего трупа.

Я отшатнулся и открыл крышку второго гроба, где лежал ее брат. Лишь мельком я взглянул на мускулистое лицо молодого тевтонца, поднял вверх камень и что есть силы ударил им по колу.

Теперь из гробов пустыми глазницами на меня глядели два серых скелета.

Остальное я помню смутно. Кажется, я бросился бежать оттуда сломя голову — на свободу, домой, прочь от этого проклятого сада с каменными птицами.

Измученный и уставший, я наконец добрался до своей комнаты. Вещи, мебель и все, что окружает меня здесь изо дня в день, было теперь слаще бальзама для моего сердца. Но тут взгляд мой упал на три предмета, которые лежали там же, где я их оставил — три тома Ларлы.

Я повернулся к камину и швырнул все три книги на еще горящие угли.

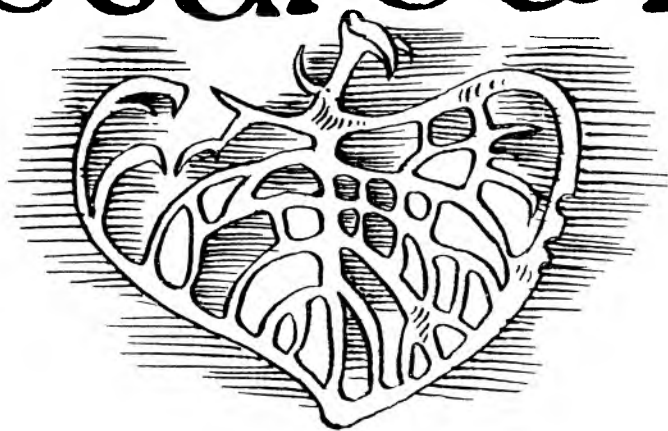
Раздалось шипение, и желтое пламя взмыло вверх, начав жадно вгрызаться в бархат. Пламя становилось все выше и выше, а потом постепенно угасло.

И когда в черном пепле затухла последняя искорка, мной овладело чувство спокойствия и облегчения.

КЛАРК·ЭШТОН
СМИТ

РАССКАЗ
САТ·А·МТ·Р·Ы
ЗЕУРОСА

Сатампра Зейрос из Узульдарама, буду писать левой рукой, потому что другой у меня больше нет, эту историю обо всем, что произошло со мной и моим другом Тирувом Омпаллисом в храме бога Цатоггуа, что стоит на проклятой земле далеко в джунглях Комморьома, в отвергаемой людьми, давно заброшенной столице гиперборейских правителей. Я буду писать сиреневым соком пальмы сувана, который с течением лет превратится в алый цвет крови, на толстом пергаменте из кожи мастодонта. И пусть этот рассказ послужит предостережением всем добрым вора и искателям приключений, которые могут еще кое-где услышать обманчивые легенды о затерянных сокровищах Комморьома и, следовательно, захотят завладеть ими.

Итак, Тирув Омпаллис был моим давним другом и верным товарищем во всех предприятиях, где требовался хитрый ум и ловкие пальцы. Это был находчивый парень с живым нравом и веселым характером. Могу сказать, не боясь польстить ни себе, ни Тируву Омпаллису, что у нас было немало таких дел, от которых даже наши более известные товарищи по ремеслу в ужасе отвернулись бы. Чтобы не быть голословным, достаточно вспомнить о краже драгоценностей королевы Кунамбри, которые она хранила в отдельной комнате, где разгуливали на свободе два десятка ядовитых змей. Могу также упомянуть о похищении алмазной шкатулки Акроми, в которой находились все фамильные медальоны династии гиперборейских царей... Да, нелегко было завладеть этими медальонами и крайне опасно. Но не проще оказалось и отделаться от них, и в конце концов мы продали их за бесценок капитану варварского судна из далекой Лемурии. Мне вспоминается, что открывать шкатулку приходилось в абсолютной тишине, так как ее сторожили двадцать пять солдат, вооруженных трезубцами. В тот раз мы

применили особую концентрированную кислоту... Но не буду слишком многословным по поводу наших походов, хотя меня так и подмывает рассказать побольше об этих славных и доблестных приключениях, преисполненных ловкости, находчивости и риска.

В нашем ремесле, как и во многих других, часто приходится считаться с превратностями судьбы, и госпожа Удача не всегда бывает к нам благосклонна. И вот случилось так, что к тому времени, о котором я хочу рассказать, мы с Тирувом Омпаллисом оказались в затруднительном положении — у нас кончились деньги. И хотя обстоятельство это было временным, оно все же доставляло нам массу неудобств и самых разных неприятностей, и мы с нетерпением ждали наступления более благоприятных времен, которые принесли бы нам долгожданную возможность чем-нибудь поживиться. Но что за проклятье — люди стали более осторожно и внимательно относиться к своим драгоценностям и другим предметам, достойным нашего внимания. На окна и двери начали навешивать по два замка, причем изобретались все более сложные запоры; стражники стали то ли более бдительными, то ли менее сонными — короче говоря, все естественные сложности нашего ремесла приумножались. В одно время нам пришлось даже воровать вещи более громоздкие и менее ценные, чем те, с которыми мы привыкли иметь дело. Но даже это было крайне сложно и весьма рискованно. По сей день мне стыдно вспоминать, как однажды нас чуть не поймали, когда мы пытались унести мешок красного картофеля. И я ни за что бы не стал вообще упоминать об этом, если бы не хотел показать, что, несмотря на все превратности судьбы, дела всегда удавались нам на славу.

Как-то вечером мы остановились в бедном районе Узулдарома, чтобы подсчитать свои запасы, и обнаружили, что у нас осталось немногим менее трех пазуров. Этих денег в те времена хватало, чтобы купить либо солидную бутылку гранатового вина, либо две буханки хлеба. И мы стали тут же спорить о том, как нам лучше поступить.

— Хлеб, — настаивал Тирув Омпаллис, — насытит наши тела, прибавит сил измученным конечностям и уставшим пальцам.

— Гранатовое вино, — сказал тогда я, — облагородит нашу мысль, вдохновит, зажжет мозг, и, возможно, нам придет в голову какой-нибудь способ, чтобы поскорее выбраться из сложившегося положения.

После этих слов Тирув Омпаллис без дальнейших споров уступил моим разумным доводам, и мы стали искать забегаловку. Вино было не из лучших по вкусовым качествам, но по количеству и крепости — как раз то, что нужно. Усевшись за столик в переполненном посетителями кабачке, мы не спеша попивали в свое удовольствие, пока весь огонь из алой жидкости не перетек в наши головы. Темнота и неизвестность будущего рассеялись, словно освещенные факелами, и вся неприглядность существования показалась нам более сглаженной и мягкой. И вскоре на меня нашло вдохновение.

— Послушай, Омпаллис, — сказал я. — Есть ли какая-нибудь причина, по которой мы с тобой, храбрые и никоим образом не подверженные предрассудкам люди, не могли бы овладеть королевскими сокровищами Комморьома? Ведь это всего лишь навсего небольшая прогулка по лесу в пригородах нашего нудного городишки, приятный отдых на природе, потом утро или вечер археологических раскопок — и кто знает, что мы там обнаружим?

— Ты говоришь мудро и смело, мой дорогой приятель, — поддержал меня Тирув Омпаллис. — И действительно, в самом деле нет такой причины, по которой мы должны были бы отказываться от возможности пополнить наши оскудевшие кошельки за счет парочки мертвых царей или богов.

А всем известно, что Комморьом был покинут жителями много веков назад из-за пророчества Поларьоны, которая предсказала неопишимо страшную участь всем, кто посмеет хоть немного задержаться в пределах города. Некоторые говорили, что нависшая угроза выражается в эпидемии чумы, идущей с севера через джунгли, другие утверждали, будто это какая-то особая душевная болезнь. Но так или иначе, никто не стал ждать ее наступления — ни короли, ни священники, ни купцы, ни труженики, ни воры. Все покинули город в тот же день, и после ночи пути основали новую столицу, Узульдаром. Кое-где и теперь еще рассказывают страшные сказки о тех ужасах, которые происходят с людьми, осмелившимися посетить мавзолей, дворцы и храмы Комморьома. А он стоит по-прежнему, этот светлый мраморный город, возвышаясь над джунглями на плодородных землях Гипербореи своими шпилями, куполами и обелисками. И люди говорят, что под каменными сводами этого гранитного чуда хранится нетронутое богатство древних монархов — как и в старые добрые времена в гробницах лежат драгоценные камни и слитки золота, зарытые вместе с мумиями,

в храмах стоят золотые алтари и украшения из благородных металлов, а фигурки идолов обильно украшены камнями — их вкладывали в уши, рот, ноздри и пупки статуям.

Я думаю, что если бы нам подбавила бодрости и отваги еще одна бутылка гранатового вина, мы отправились бы в путь в ту же минуту. Но так как вина больше не было, пришлось отложить путешествие до рассвета. То обстоятельство, что у нас совсем не осталось денег на дорогу, нас ничуть не смущало: хотя за душой ни у меня, ни у Тирува Ом-паллиса и в самом деле не было ни пазура, мы с успехом могли пользоваться тем, что имели люди, которые попадутся нам на дороге, освобождая их от лишнего груза товаров и еды. Но пока мы отправились домой, где были встречены хозяином квартиры, который сердито напомнил нам, что следовало бы уплатить деньги за жилье. Однако золотые ожидания завтрашнего дня настолько вооружили нас против подобных неприятных мелочей, что мы попросту отмахнулись от несчастного с таким равнодушием, которое если и не утихомирило его, то по крайней мере удивило.

На следующее утро мы проснулись довольно поздно, и когда покидали Узульдаром, солнце уже высоко поднялось в безоблачном лазурном небе. Направившись по дороге на север, в сторону Комморьома, мы через некоторое время сделали привал и позавтракали спелыми дынями и украденной курицей, которую поджарили в лесу на костре, а потом продолжили свой путь. Несмотря на появившуюся к концу дня усталость, путешествие было приятным — мы славно развеялись после вчерашнего и многое повидали по дороге, причем не только прекрасные пейзажи, но и различных людей, некоторые из них еще долго будут поминать нас недобрым словом, поскольку мы не стеснялись, используя свои способности, брать у них то, что нас привлекало.

Местность вокруг была великолепной — повсюду виднелись богатые фермы, благоухающие сады, прозрачные ручьи и пышные зеленые леса. И вот, уже ближе к вечеру, мы подошли наконец к старой дороге, по которой давно никто не ходил. Дорога эта вела через джунгли в Комморьом и успела уже порядком зарости сорняками.

Никто не видел, как мы ступили на эту заброшенную тропу. Сделав буквально несколько шагов, мы полностью потеряли из виду все, что связывало нас с населенным миром. Нам показалось даже, что эта дорога не была потревожена ни разу с тех пор, как много веков назад по ней сбе-

жал из города легендарный король со своей свитой. Деревья здесь казались особенно старыми и высокими, они росли какими-то переплетающимися лабиринтами, как гигантская замысловатая паутина. Невообразимо большие цветы источали либо приторно-сладкий, либо до тошноты омерзительный запах, а лепестки их были или мертвенно-бледными, или алыми, как кровь. Фрукты, встречавшиеся на нашем пути, также поражали своими размерами и цветом — огненно-красные и фиолетовые, — они почему-то совсем не вызывали желания попробовать их на вкус.

По мере нашего продвижения вперед джунгли делались все более непроходимыми, а дорога становилась трудней с каждым шагом. И хотя она была вымощена огромными гранитными плитами, сорняки кустами росли из щелей, раздвигая громадные тяжелые камни. Солнце еще не приблизилось к горизонту, но тени уже начали неумолимо сгущаться, и теперь мы пробирались вперед в голубоватых сумерках, вдыхая резкий аромат буйной зелени и переспелых плодов. Как это ни странно, мы совсем не встречали на своем пути животных и птиц, которые обычно обитают в лесу, только время от времени нам попадались толстые блестящие гадюки, бесшумно скользящие по опавшим на дорогу листьям, да пару раз гигантские бабочки с причудливыми крапчатыми крыльями неожиданно взлетали из-под наших ног и тут же исчезали во тьме. Когда стало еще темней, начали появляться огромные летучие мыши с красными глазами, которые шумно поднимались при нашем приближении с объедаемых ими плодов и, взмывая вверх, злобно смотрели на нас с воздуха своими горящими зрачками-рубинами. Но тем не менее мы постоянно чувствовали, что из зарослей за нами наблюдают и другие, невидимые нам создания, и, может быть, из-за этого на нас опустился какой-то непередаваемый словами страх — мы боялись этого леса. Постепенно мы перестали разговаривать вслух, и теперь лишь изредка перешептывались.

Среди других вещей, которые нам удалось раздобыть по дороге, была большая кожаная фляга, доверху наполненная пальмовым спиртом. Еще днем несколько глотков этой огненной жидкости заметно скрасили наш нелегкий путь, и теперь фляга вновь сослужила нам добрую службу. Мы сделали небольшой привал и, прежде чем двинуться дальше, изрядно промочили горло, чтобы джунгли перестали казаться такими страшными. Обжигающий напиток возымел свое дей-

ствие, и постепенно нам даже стало непонятно, как это тишина и уныние, любознательные летучие мыши и буйная растительность могли так подействовать на наше сознание, пусть даже временно. И мне помнится, что когда мы еще по разу приложились к фляге, то даже затянули песню.

Незаметно наступил вечер. Как только дневная звезда скрылась за горизонтом, в небе засветилась восковая луна. Мы были так увлечены своим путешествием, что решили поторопиться и прибыть в Комморьом этой же ночью. Поужинав тем, что смогли украсть по дороге, и передавая друг другу флягу несколько раз подряд, мы немного подкрепились и, еще раз осознав всю важность нашего предприятия, снова тронулись в путь.

Но идти нам оставалось уже недолго. Пока мы горячо спорили о том, какой куш нам удастся сорвать в Комморьоме, впереди в лунном свете уже заблестели возвышающиеся над джунглями мраморные купола, и сквозь длинные ветви деревьев начали проглядывать призрачные галереи и колонны. Еще несколько шагов — и мы вступили на мощеную улицу, которая пересекала нашу дорогу и местами скрывалась под гигантскими папоротниками и пальмами, нависшими над крышами древних домов.

От неожиданности мы даже замерли, и вновь пустота и тишина каким-то образом запечатали наши уста. Одинаковые дома были белыми и пустыми, и их спокойствие придавало им схожесть с гробницами, а тени, сгустившиеся вокруг построек, казались зловещими и таинственными, как тень самой смерти. Создавалось впечатление, что солнце не светило здесь уже несколько столетий, и эти мраморные стены освещал лишь мертвенный отблеск луны с тех самых пор, как люди покинули их после предсказаний Поларьоны.

— Лучше бы сейчас был день, — чертыхнувшись, пробормотал Тирув Омпаллис.

В тишине его голос прозвучал как-то особенно громко, даже со свистом.

— Друг мой, — сказал я в ответ, — я верю, что рассудки не одержат в тебе верх. Мне не хотелось бы думать, что ты становишься жертвой расхожих страхов и инфантильных фантазий, которым подвержено большинство обывателей. Но тем не менее давай-ка мы с тобой еще выпьем!

Осветив кожаную флягу, чтобы посмотреть, сколько там осталось, мы были приятно удивлены тем, что спирта у нас

еще достаточно, и, отхлебнув немного, принялись исследовать дорогу, уходящую влево. Хотя эта улица и была проложена с математической прямоотой, невдалеке она уже терялась за непомерно разросшимися деревьями. Однако, пройдя по ней пару кварталов, мы обнаружили небольшую площадку, которую джунгли еще не успели полностью узурпировать, и в центре ее стоял храм очень древней архитектуры. Создавалось такое впечатление, что здание это гораздо старше всех остальных близлежащих домов. Оно отличалось также и своим материалом, так как было выстроено из темного базальта и сплошь поросло лишайником, который по возрасту, наверное, не уступал самому храму. Храм был квадратный, без куполов и шпилей, без колонн, и имел всего несколько окошек под самой крышей. В Гиперборее не встретишь сейчас подобных сооружений, и мы поняли, что это — храм бога Цатоггуа, древнего бога, которому люди давно уже не поклоняются, но говорят, что перед его забытым алтарем до сих пор трепещут страшные и дикие звери джунглей — гориллы, гигантские ленивцы и длиннозубые тигры. Ходят слухи, что они иногда приходят к таким храмам, чтобы поклониться древнему божеству, и тогда их рев и вой становятся похожими на нечленораздельные молитвы.

Храм этот, как и другие здания, прекрасно сохранился. Единственное, на что смогло повлиять время, — так это дверь, которая в некоторых местах треснула, и в ней образовались щели. Сама она была окована бронзой и стояла слегка приоткрытая, вся позеленев от сырости. Зная, что внутри храма должен быть идол, украшенный драгоценными камнями, не говоря уже об алтаре и другой церковной утвари, сделанной из благородных металлов, мы почувствовали сильный соблазн войти внутрь.

Однако, поняв, что для этого нам потребуется немало усилий, мы еще раз приложились к фляге и только потом принялись за работу. Конечно, петли на двери основательно заржавели, и лишь уступив нашей силе, дверь понемногу начала поддаваться. Но образовавшийся проем был все же недостаточным, и мы продолжали напирать изо всех сил, пока дверь не закрипела так, словно звук этот был чьим-то голосом, причем голосом, принадлежащим не человеческому существу.

Темная внутренность храма наконец открыла нам свою пасть, и из нее тотчас же вышла наружу какая-то вонь, похожая на старую плесень, смешанную с чем-то еще более

отвратительным. Но мы почти не обратили на это внимания, так как были сильно возбуждены.

Со свойственной мне проникательностью я еще днем запысая большой смолистой палкой, решив, что если нам придется работать ночью, то может весьма пригодиться факел. Я зажег палку с одного конца, и мы вошли вовнутрь.

Пол был вымощен громадными пятиугольными булыжниками из того же темного камня, из которого были сделаны и стены. Храм оказался совершенно пустым, за исключением тронной статуи бога в дальнем конце и непонятого бассейна на трех ногах в самой середине зала. Мы лишь мимоходом взглянули на этот бассейн, а потом ринулись вперед, и я осветил факелом лицо каменного идола.

Я никогда раньше не видел изображений бога Цатоггуа, но сразу же узнал его, вспомнив описания, о которых мне неоднократно приходилось слышать. Изваяние было приземистым, с раздутым животом, а голова его больше походила на жабу, чем на лик божества. Все тело идола покрывала густая искусственная шерсть, и от этого он напоминал какую-то смесь ленивца и летучей мыши. Сонные веки тяжело нависали над выпученными шаровидными глазами, а из толстых губ торчал кончик страшного языка. По правде говоря, этот истукан совсем не был похож на бога, каким мы его обычно себе представляем, и я не удивляюсь, что люди перестали ему поклоняться. Превозносить такое существо могли только дикие и жестокие жители древности.

Мы с Тирувом Омпалисом начали одновременно молиться нашему богу, более приятному и цивилизованному, чем этот, а потом и отчаянно ругаться, когда обнаружили, что на идоле нет даже самых дешевых самоцветов — ни на одном его члене. Видно, над статуей работал какой-то скупой мастер, потому что даже глаза были вырезаны из того же мрачного серого камня, что и все тело, а рот, нос, уши и все остальное — не содержали в себе ни единого украшения. Мы сильно удивились такой жадности людей, создавших это мерзкое изваяние, уникальное своей отвратительностью.

Теперь, когда первый запал исчез и надежда быстро разбогатея угасла, мы более пристально осмотрели внутренность храма, и в особенности нас поразил тот зловонный запах, о котором я уже упоминал ранее, и который сейчас несомненно усилился. Мы поняли, что вонь эта идет из бас-

сейна, и решили посмотреть на него поближе, разумеется, не надеясь найти там для себя ничего интересного.

Я говорил уже, что бассейн этот был достаточно большой, не меньше шести футов в диаметре и трех в глубину, а края его находились на уровне плеча высокого человека. Три ноги, поддерживающие бассейн, были изогнуты, довольно массивны и заканчивались в виде кошачьих лап с выпущенными когтями. Когда мы подошли поближе и заглянули вовнутрь, то увидели, что чаша наполнена какой-то густой тягучей жидкостью, совершенно мутной и темно-коричневой на цвет. Именно отсюда и шел этот запах, и хотя он был до тошноты отвратителен, тем не менее это не было похоже на разложение, а скорее напоминало миазмы какого-то мерзкого болотного существа. Запах был совершенно невыносим, и мы собрались уже идти назад, как неожиданно заметили на поверхности небольшое волнение, как будто кто-то потревожил эту жидкость изнутри, словно поднимающееся со дна животное или что-то другое. Волнение быстро усиливалось, середина поднялась, как под действием дрожжей, и с неописуемым ужасом мы увидели, как перед нами постепенно появилась неуклюжая аморфная голова на длинной шее и уставилась на нас злым взглядом своих огромных выпученных глаз. Потом возникли две руки — если их можно было назвать руками, — они росли дюйм за дюймом, и мы поняли, что это существо не поднялось со дна, как нам сначала показалось, а что это сама жидкость вытянула свою шею и голову, а теперь на наших глазах появлялись ее проклятые руки, которые уже тянулись к нам, похожие на придаткищупальца с присосками на концах вместо пальцев и когтей.

Ужас, который никогда раньше нам не приходилось испытывать, и о котором мы даже не могли предполагать, парализовал нашу речь, но не конечности. Мы машинально сделали несколько шагов назад, и одновременно с этим страшная шея и руки начали быстро расти. Потом вся темная масса стала приподниматься, и скорее, чем бегут чернила в моей ручке, она, как поток черной ртути, перелилась через край бассейна и, едва коснувшись пола, тут же приняла змеевидную форму, а снизу у нее выросло не меньше дюжины коротких ножек.

Мы не стали раздумывать над тем, какая страшная форма протоплазменной жизни предстала перед нами; мы не обсуждали, что за дикое порождение древней слизи образовалось сейчас на наших глазах. Ужас увиденного не давал

нам ни секунды на размышления, а намерения этого существа были совершенно очевидны — оно явно проявляло канибальские желания, поскольку сразу же устремилось к нам с невероятной скоростью и проворностью, открыв при этом огромный беззубый рот. Когда оно разинуло свою пасть, оттуда высунулся длинный скользкий язык, который, подобно змее, вытянулся далеко вперед, а челюсти широко раскрылись с той же потрясающей эластичностью, которая была заметна и во всех других движениях существа. Мы сразу поняли, что нам следует немедленно убраться из храма Цатотгуа, и, повернувшись спиной к мерзкому идолу, одним махом одолели каменный зал и что было сил побежали под лунным светом по улицам Комморьома. Мы огибали всевозможные углы, путали следы между старыми дворцами давно забытых богачей и лавками торговцев, старались выбирать такие места, где заросли кустов и деревьев были погуще. И наконец, оставив дома позади, мы выбежали на дорогу и там набрались храбрости остановиться и оглянуться назад.

Мы задыхались, легкие наши готовы были разорваться от такого героического усилия, да и все сложности дня давали о себе знать — словом, мы чувствовали нечеловеческую усталость. Но когда, обернувшись, мы увидели позади себя все то же жуткое черное чудовище, словно громадная змея неумолимо ползущее вслед за нами, каким-то чудом новый прилив сил освежил наши уставшие члены, и мы со всех ног кинулись с освещенной дороги в джунгли, надеясь сбить своего преследователя с пути в лабиринтах зарослей и лиан. То и дело спотыкаясь о корни и поваленные деревья, мы царапали кожу о сучки и сдирали в кровь ноги, натыкались на громадные стволы и больно хлеставший по лицу молодой кустарник, наш бег сопровождало хищное шипение древесных змей, плевавших в нас с ветвей своим едким ядом, повсюду слышался рев и вой невидимых животных, которые на каждом шагу попадались нам под ноги. Но мы больше не осмеливались ни остановиться, ни оглянуться назад.

Наверное, мы бежали так несколько часов подряд. Луна, призрачный свет которой едва пробивался сквозь густую пелену предутреннего тумана, теперь опускалась все ниже и ниже к верхушкам гигантских увитых замысловатыми плющами пальм. Но ее прощальный луч все же спас нас от страшного болота, которое лежало на нашем пути, преграждая дорогу мшистыми холмами, шаткими кочками и порос-

шими обманчивой травой трясинами, и по которому мы теперь должны были бежать в полной темноте, ни на секунду не останавливаясь и не обдумывая своих шагов, потому что проклятый преследователь уже наступал нам на пятки.

После того как луна скрылась, наше бегство стало еще более страшным и отчаянным — это была какая-то лихорадочная смесь ужаса, измождения, смятения и удивительно медленного продвижения вперед через препятствия, на которые мы больше не обращали ни малейшего внимания. Ночь жалась к нашим ногам и окутывала нас удушливым мраком, сбрасывая сверху тяжелую темноту, похожую на чудовищную липкую паутину. Мне казалось, что преследующая нас тварь со своими способностями удлиняться в любой момент могла бы легко разделаться с нами, но, очевидно, она решила продлить игру. И эта бесконечная ночь тянулась и тянулась, окуная нас в бездну вечного страха. Но мы все равно больше ни разу не останавливались и не оглядывались.

Где-то вдаль сквозь густую листву деревьев забрезжил светлый туман — предвестник наступающего утра. Мы ослабли и еле держались на ногах, мышцы наши жаждали отдыха, перерыва, любой паузы, даже если для этого нам придется оказаться в могиле. Сделав над собой нечеловеческое усилие, мы рванулись к свету, выбежали из джунглей и оказались на мощеной улице с мраморными и гранитными домами. Как-то неясно и смутно, сквозь завесу неимоверной усталости, мы осознали, что сделали огромный круг и вернулись к окраинам Комморьома. Впереди нас, на расстоянии броска копья, возвышался храм бога Цагоггуа.

Тут мы решились обернуться и за своими спинами с ужасом увидели все то же эластичное чудовище; ноги его теперь сильно вытянулись, и оно высоко поднялось над нашими головами, а челюсти монстра увеличились до таких размеров, что он мог бы проглотить нас обоих за один раз. Тварь следовала за нами, не отставая и не делая при этом никаких усилий, она двигалась прямо по направлению к нам с такой уверенностью, что намерения ее не оставляли сомнений. В поисках спасения мы вбежали в храм Цагоггуа. Двери его были открыты так, как мы их и оставили, и, быстро закрыв за собой тяжелую створку, мы собрали остатки сил и задвинули один железных засов.

В каком-то шоковом оцепенении мы молча наблюдали за

тем, как сквозь трещины в двери засветился первый утренний луч; отблески света проникали и через окна, расположенные под самым потолком, и теперь, делая героические усилия, мы пытались сосредоточиться и ждали, что же судьба уготовила для нас дальше. И пока мы так ждали, бог Цатоггуа гневно смотрел на нас своим зверски зловещим взглядом, который сейчас был еще тяжелее, чем нам показалось при свете факела.

По-моему, я уже говорил, что в двери от времени образовались довольно крупные трещины. Главным образом, нас беспокоили три большие дыры, через которые сейчас и струился день. Они были такой величины, что при желании в них могли бы пролезть небольшие зверьки или змеи. Почему-то глаза наши были прикованы именно к этим отверстиям.

Но нам не долго пришлось так смотреть, потому что внезапно что-то снаружи перекрыло лившийся из щелей свет, и вместо него через дыры в двери в храм стало вползать какое-то черное вещество, которое тремя струйками текло на каменные плиты пола, и там, соединяясь в одно целое, постепенно обретало форму преследующей нас твари.

— Прощай, Тирув Омпаллис! — прокричал я, собрав остатки сил и дыхания. А потом бросился в глубь храма и спрятался за статуей бога Цатоггуа. Идол был достаточно велик, чтобы скрыть меня из виду, но, к сожалению, и слишком мал, чтобы там могли спрятаться двое. Тирув Омпаллис с радостью бы сам воспользовался этим убежищем, но я успел опередить его. И, увидев, что места для изваяния больше нет, он оставил меня в покое, а сам забрался в бронзовый бассейн, который при удаче мог дать ему несколько секунд спасения в этом ужасном пустом храме.

Тайком выглядывая из-за статуи, единственным преимуществом которой оказался непомерно раздутый живот, я наблюдал за действиями чудовища. Едва Тирув Омпаллис успел укрыться за краями бассейна, как тварь поднялась на задние лапы и решительно двинулась к нему. Голова ее теперь сильно поменялась в форме, и вот уже я видел перед собой только странную безликую массу — одно туловище.

без рук, шеи и ног. На несколько мгновений тварь замерла над бассейном, подбирая свой жуткий хвост и сливая его с растущим на глазах телом, а потом одной волной рухнула внутрь, накрыв собою Тирува Омпаллиса. Через секунду после того как мерзкая масса исчезла из поля зрения, я увидел, как все существо чуть-чуть приподнялось над краями чаши, и в этот момент оно представляло собой один только громадный рот.

Дыхание у меня перехватило от ужаса, я замер, но ничего не слышал и не видел — Тирув Омпаллис даже не вскрикнул. В конце концов, трепеща от ужаса, я все же решился выглянуть из-за статуи и, крадучись на цыпочках, подобрался к выходу.

Теперь, чтобы снова оказаться на свободе, я должен был отодвинуть засов на двери. А это я боялся сделать, потому что неизбежно привлек бы к себе внимание скрежетом и шумом. Я считал, что было бы крайне неразумно беспокоить эту тварь в бассейне, пока она мирно переваривает Тирува Омпаллиса, но, к сожалению, другого способа выбраться из этого проклятого храма не было.

И когда я, собрав остатки сил, резко отодвинул засов, одно-единственное щупальце стремительно рванулось из бассейна ко мне и, вытянувшись по всему залу, железной хваткой обвило мое правое запястье. Я не могу передать, что это было за прикосновение! Оно было мерзким, скользким и ледяным, отвратительно мягким, как гниль на болоте, и в то же время смертельно острым, словно заточенный нож. Щупальце втягивало мою руку в себя и страшно давило ее. Я дико закричал, когда тварь крепко сжала мою плоть и начала медленно резать ее, точно лезвием бритвы. Пытаясь освободиться, я широко распахнул дверь и упал на порог. Несколько секунд я не чувствовал ничего, кроме нестерпимой обжигающей боли, а потом вдруг понял, что мне удалось отделаться от своего преследователя. Но, посмотрев на руку, я увидел, что кисти у меня больше нет, а на ее месте осталась лишь странная засохшая культия, из которой чуть

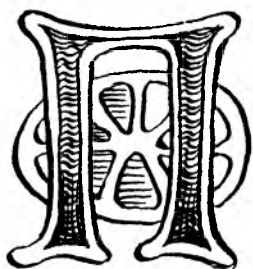
заметно сочилась кровь. Последний раз оглянувшись в глубь храма, я успел заметить, как щупальце укоротилось, свернулось и медленно исчезло в бассейне, унося мою руку к тому, что осталось от Тирува Омпаллиса.

Л. П. ГАРТМАН

УЧ.

ервая открытка пришла из Форфэра.

«Я думаю, Вам понравится снимок Форфэра, — говорилось в ней. — Ведь Вас всегда интересовала Шотландия, и это одна из причин, по которой я интересуюсь Вами. Мне понравились все Ваши книги, но можете ли Вы серьезно взяться за своих героев? Я сильно сомневаюсь! Думайте об этом, как о дружеском рукопожатии Восхищаюсь Вами,

У. С.»

Как и другие писатели, Уолтер Стритер привык получать письма от незнакомых людей. В основном это были дружеские послания, хотя иногда попадались и критические. В любом случае он отвечал на них, потому что был очень сознательным. Но ответы требовали от него больших затрат времени и энергии, которая нужна была для работы, поэтому Стритер с удовольствием отметил, что У. С. не указал своего обратного адреса. Фотография Форфэра ему не понравилась, и он разорвал открытку. Но критика анонимного поклонника все же запала Уолтеру в душу. Неужели он и в самом деле не может решить проблему своих героев? Возможно, что и так. Стритер понимал, что в большинстве случаев это были или проекции с его собственной личности, или же, наоборот, его полная противоположность. Я и не-Я. Наверное, и У. С. тоже это заметил. И уже не впервые Уолтер Стритер пообещал себе впредь быть более объективным.

Примерно через десять дней пришла еще одна открытка, на этот раз из Бервика-на-Твиде.

«Что Вы думаете о Бервике-на-Твиде? — писал неизвестный. — Как и Вы, он расположен на самой границе. Я полагаю, это не очень грубо с моей стороны? Я вовсе не хочу сказать, что Вы пред-

ставляете собой пограничный случай. Вы ведь знаете, как я восхищаюсь Вашими романами. Некоторые даже считают их «историями из другого мира». Но я думаю, что Вам лучше придерживаться какого-то одного. Крепко жму Вашу руку,

У. С.»

Уолтер Стритер был очень удивлен и всерьез задумался об авторе открыток. Кто он — мужчина или женщина? Почерк был мужской — деловой, ровный, да и критика больше походила на мужскую. Но, с другой стороны, только женщина могла так обращаться с ним, чтобы он чувствовал одновременно и неуверенность в себе, и лесть поклонницы. Стритер отметил, что любопытство не на шутку разгорается в нем, но вскоре он подавил его, так как был не из тех, кто занимается опытами со своими новыми поклонницами. И все же было странно, что какая-то неизвестная личность столь подробно разбирает его произведения, да еще и оценивает таким образом самого автора. «Из другого мира», надо же! Уолтер перечитал две последние главы своей новой работы. Ну, возможно, они и действительно несколько далеки от жизни. Так что ж тут плохого? Просто он пытался, как и многие другие современные писатели, перенестись в некий туманный мир, где все было бы по-другому. Ну и что из того? Стритер швырнул фотографию Бервика-на-Твиде в камин, согревавший его в этот холодный ноябрьский вечер, и попытался писать. Но слова шли плохо, с трудом преодолевая высочайший барьер суровой самокритики. Проходили дни, и Стритер стал со страхом замечать, что внутри него произошел раскол, будто кто-то завладел его личностью и теперь рвет ее на части. Работы его уже не были однородными. в них явственно обозначились два направления, противоречащие друг другу, и чем сильнее он старался ликвидировать этот диссонанс, тем медленнее шла работа. «Скверно, — подумал он. — Кажется, я совсем заикнулся и выбился из колеи. Что за чертовщина?.. Нет, наверное, я все-таки открыл новый источник творчества. Эх, если бы я только смог примирить эти два направления между собой и получить от их слияния пользу, как многие другие художники!..»

На третьей открытке была изображена крошечная приходская церковь в Йорке.

«Я знаю, что Вам нравятся большие соборы, — говорилось в письме. — Уверен, что в Вашем случае это не признак мании величия. Однако иногда и маленькие церкви заслуживают большого внимания. На своем пути на юг я встречаю много церквей. А Вы сейчас заняты работой или подыскиваете новые сюжеты? Еще раз дружески жму Вашу руку. Всяческих Вам благ,

У. С.»

И на самом деле Уолтеру Стритеру нравились большие соборы. Собор Линкольна, например, долгое время был предметом его юношеских фантазий, и он даже писал о нем в своих путевых заметках. Также было правдой и то, что его интересовали главным образом размеры, и он всегда недооценивал простые приходские церкви. Но откуда же У. С. мог знать об этом? И неужели это может быть признаком мании величия? И кто, в конце концов, такой этот самый У. С.?!

Тут первый раз Стритеру пришло в голову, что это были его собственные инициалы. То есть, конечно, он замечал это и раньше, но просто не придавал этому никакого значения. Ведь это были самые обычные инициалы — у Гилберта были такие же, и у Моэма, и у Шекспира... Любой человек мог обладать ими. Однако теперь это совпадение показалось Уолтеру странным, и страшная мысль вдруг пронзила его: «А что если я сам пишу себе эти открытки?.. Ведь подобные случаи бывали, особенно при расщеплении личности у шизофреников». Нет, конечно, он к таким не принадлежал, но все же с ним что-то происходило. Иначе как было объяснить это появившееся в последние дни новое направление, это странное раздвоение в работе, которое теперь уже явно проступало не только в мыслях, но и на бумаге, так что один абзац выходил у него вялым и апатичным, с придаточными предложениями и обилием запятых, а следующий — резкий и колкий, с точками и глаголами.

Стритер снова взглянул на почерк. Он показался ему самым обыкновенным и заурядным — настолько нормальным, словно кто-то специально пытался замаскировать свою оригинальность. Но теперь ему стало казаться, что почерк этот похож на его собственный. Уолтер уже собирался кинуть открытку в огонь, но неожиданно передумал. «Кому-нибудь покажу», — решил он.

Один из его друзей сказал: «Милый мой, здесь же все ясно! Это какая-то ненормальная женщина. Я просто уверен, что это женщина. Она, наверное, влюбилась в тебя и теперь пытается таким образом привлечь твоё внимание. Я бы на это вообще не реагировал. А тебе пора бы уж привыкнуть к тому, что известные люди всегда получают письма от сумасшедших. Но если эти открытки тебя так тревожат, то уничтожай их сразу же, не читая. Обычно такие поклонницы бывают очень настойчивыми, и если она заметит, что её письма тебя заделли, то будет продолжать в том же духе до окончания века».

На некоторое время Стритер почувствовал себя более уверенно. В самом деле, стоит ли волноваться из-за того, что какая-то безумная женщина, эдакое мышеподобное существо, умудрилась в него влюбиться! Ну и чего здесь расстраиваться? И вдруг его подсознание, как бы отыскивая повод для новых мучений, с логической строгостью поставило перед Уолтером тревожный вопрос: «Предположим, что эти открытки действительно писал сумасшедший, но тогда, если я сам себе их пишу, не следует ли из этого, что сумасшедший — это я?»

Стритер изо всех сил пытался не думать об этом и даже хотел уже разорвать последнюю открытку, как и все предыдущие, но что-то внутри него продолжало сопротивляться. Открытки стали частью его самого. Уступив какому-то непонятному побуждению, которого он и сам испугался, Уолтер решил вдруг спрятать конверт куда-нибудь подальше и положил его за часы на камин. Он не видел открытки, но знал, что она там лежит.

Теперь он должен был признаться себе, что дело с открытками стало основным в его жизни. Оно создало целую область новых мыслей и чувств, в основном не очень приятных. Все его существо было охвачено ожиданием следующего письма.

Однако, когда оно пришло, Уолтер был удивлен этим не меньше, чем в прошлый раз. Он даже долго не мог заставить себя взглянуть на фотографию.

«Я приближаюсь, — говорилось в открытке. — Я уже в Ковентри. А Вас когда-нибудь отправляли в Ковентри? А меня — да. Кстати, Вы же сами и направили. И это не очень приятно, могу Вас уверить. Но надеюсь, что мы с Вами разберемся

в конце концов и с этим Я ведь не впервые советую Вам заняться своими героями, правда? Возможно, с моей помощью у Вас появятся свежие мысли. Если так, то благодарите меня, потому что, по-моему, это как раз такие мысли, которые писателям очень необходимы. Перечитываю Ваши романы, можно сказать, живу ими. Жму Вашу руку, Ваш преданный друг

У. С.»

Волна страха захлестнула Уолтера Стритера. Как же он до сих пор не замечал самого важного в этих посланиях — что каждая последующая открытка была отправлена из места, находившегося, если смотреть по карте, все ближе и ближе к его дому. «Я приближаюсь»... Неужели его подсознание из чувства самосохранения отказывалось видеть это? Если так, то «зрение» необходимо было срочно вернуть. Стритер взял атлас и по карте проследил за передвижениями У. С. Каждый раз между городами было расстояние порядка восьмидесяти миль. И на таком же расстоянии от Ковентри жил сейчас Уолтер.

Может быть, открытки следует показать психиатру? Но что может сказать ему психиатр? Он ведь не знает того, что нужно узнать Уолтеру: надо ли бояться этого У. С. и почему?

Лучше обратиться в полицию. Полиция привыкла иметь дело с авторами анонимных писем. Если же они посмеются над ним, то это будет даже к лучшему.

Однако в полиции не смеялись. Там считали, что это обыкновенный розыгрыш, и никакой У. С. во плоти никогда не объявится. Потом инспектор спросил, нет ли у Стритера врага, который точит на него зуб. «Нет, во всяком случае я такого не знаю», — ответил Уолтер. Полицейские эксперты тоже склонялись к мнению, что автор открыток — женщина. Ему посоветовали не волноваться и сообщить, если придет еще одна открытка.

Немного успокоившись, Уолтер вернулся домой. Разговор с полицейскими пошел ему на пользу, и он долго еще вспоминал его. Ведь он сказал им чистую правду — у него действительно не было врагов. Дело в том, что он не являлся человеком, обладающим сколько-нибудь яркой индивидуальностью, поэтому и на страницах его книг до недавнего времени жили такие же милые и нудные герои. К тому же в последнее время он вообще старался не создавать слиш-

ком уж отрицательных персонажей. Это, по его мнению, было бы нехорошо с точки зрения морали и не очень убедительно в художественном отношении. Ведь в каждом человеке всегда есть что-то хорошее. В последний раз — а тут он должен был сознаться, что не писал уже несколько недель, настолько дело с открытками захватило его разум, — если ему нужно было вывести отрицательного героя, он просто изображал его фашистом, то есть таким человеком, который все человеческие черты уже попросту растерял. Но когда-то давным-давно, когда он был помоложе и видел мир еще черно-белым, он позволял себе гораздо больше. Уолтер не очень хорошо помнил свои ранние книги, но в одной из них был герой, Изгнанник, над которым он здорово потрудился. Стритер описывал его так, будто это был живой человек, к которому он питал самое яростное чувство ненависти. Ему доставляло несравненное удовольствие награждать Изгнанника всяческими отрицательными качествами. Он никогда не позволял своему герою сомневаться и не чувствовал к нему ни капли жалости, когда тому приходилось расплачиваться головой за свои злые поступки. И в конце концов Уолтер до того увлекся своим персонажем, что ему самому даже стало страшновато, настолько это мрачное кровавое существо оказалось переполненным всякой гадостью.

Странно, но он никак не мог вспомнить его имени. Тогда он достал с полки книгу и не спеша принялся листать ее — и даже сейчас ему было не по себе. Ну да, вот: Уильям.. Уильям... Он проглядел еще несколько страниц. Уильям Стрейнсфорт.

Но это же его собственные инициалы!

Уолтер не подумал, имеет ли какое-то значение подобное совпадение, но на душе у него стало нехорошо. Он так обеспокоился, что следующая открытка даже принесла ему некоторое облегчение.

«Это Вам ни о чем не говорит?» — прочитал Стритер и, помимо желания, перевернув открытку, увидел фотографию Глучестера. Уолтер уставился на нее так, будто она могла сообщить ему что-то очень ценное, а потом с трудом заставил себя читать дальше:

«Теперь я уже совсем близко. Мои передвижения, как Вы могли бы догадаться, не совсем от меня зависят, но если все будет хорошо, то надеюсь, что мы с Вами встретимся в конце этой не-

дели. И тогда уж мы во всем разберемся! Интересно, узнаете ли Вы меня? Ведь Вы уже не в первый раз приютите меня у себя. Жму руку, искренне Ваш,

У. С »

Уолтер сразу же отнес открытку в полицейский участок и спросил, нельзя ли обеспечить ему охрану на выходные дни. Дежурный офицер улыбнулся и сказал, что это наверняка розыгрыш, но он, конечно, попросит кого-нибудь понаблюдать за домом

— Вы так и не догадываетесь, кто это может быть? — спросил инспектор.

Уолтер отрицательно покачал головой.

Был вторник, и у Уолтера Стритера оставалось еще достаточно времени, чтобы подумать о конце недели. Сначала ему казалось, что он вообще не доживет до выходных, но, как ни странно, его уверенность в себе не затухала, а, наоборот, стала расти. Он даже сел за работу, будто бы мог заставить себя писать, и как оказалось — действительно мог, да еще и не так, как раньше, а значительно лучше. Видимо, нервное напряжение, не покидавшее его в последнее время, словно некая кислота разъело непродуктивный слой, осевший на его мозг. Сейчас он был близок к своим героям, как никогда, и они не просто покорно выполняли все его желания, а жили самой настоящей полнокровной жизнью. Так проходили дни, и вот незаметно наступила пятница — самый обычный день, как и все остальные. Но вдруг внутри у Уолтера что-то дернулось, и от вдохновения не осталось и следа. Его словно окатило холодной волной, когда он неожиданно спросил себя: «А когда же начинается конец недели?»

Бесконечная череда рабочих дней обрывается в пятницу. И снова Стритером овладела паника. Он подошел ко входной двери и осторожно выглянул наружу. Обычная уединенная пригородная улица; редкие дома, как две капли воды похожие на его дом. Высокие столбы, на некоторых из них висят фонари, закрепленные полукруглыми железными скобами. Правда, большинство фонарей не работало: на всей улице горело всего лишь две-три лампочки. Медленно проехала машина, несколько пешеходов прошли мимо — все было тихо.

Несколько раз в этот вечер он подходил к двери и выглядывал на улицу, но не заметил там ничего необычного, и

когда наступила суббота, Уолтер почти совсем успокоился. Открытки тоже не было. Он даже собирался позвонить в полицию и сказать, чтобы они не беспокоились о нем и охрану не посылали, но почему-то медлил со звонком.

Полицейские сдержали свое слово: между чаем и ужином, когда обычно по субботам к нему приезжают гости, Уолтер увидел напротив своего дома постового. При этом он ощутил настолько заметное облегчение, что даже удивился, и только теперь понял, как же сильно на самом деле он был взволнован. Сейчас же Стритер, как никогда, чувствовал себя в полной безопасности, и ему даже стало немного стыдно за то, что он утруждает подобной работой и без того уставшего за день человека. Может быть, стоит подойти к безымянному стражу, поговорить с ним и предложить ему чашечку чая или чего-нибудь покрепче? Было бы забавно послушать, как он рассмеется, услышав об опасениях Уолтера. Но нет — Стритер почему-то чувствовал, что безопасность его будет надежнее, если этот человек останется без имени: пусть это будет не какой-нибудь там П. С. Смит, а просто «полицейская охрана».

Несколько раз Уолтер выглядывал из окошка над дверью (ему не хотелось все время выходить на улицу и, уставившись, глядеть на констебля) и убеждался, что его страж на месте. Правда, однажды, чтобы получить еще одно подтверждение, он попросил свою экономку проверить, на месте ли полицейский, и, к его разочарованию, она вернулась и сказала, что никакого полицейского не видела. Однако она была немного слеповата, и когда Стритер решил сам еще раз все проверить, то достаточно ясно увидел полисмена на прежнем месте. Наверное, он как раз куда-нибудь отлучался или в тот момент просто прогуливался по улице, вот миссис Кендал его и не увидела.

Обычно Уолтер не работал по вечерам, но на этот раз сел писать — он чувствовал, что ему нестерпимо хочется работать. И в самом деле, им овладело какое-то непонятное возбуждение, слова так и стекали с пера. Было бы просто глупо сдерживать такой творческий порыв и лечь спать в угоду заведенному распорядку. Писать, писать! Правы те, кто говорит, что по ночам работает лучше всего. И когда зашла экономка, чтобы пожелать ему спокойной ночи, он даже не поднял голову от листа.

Вдруг в небольшой теплой и уютной комнатке тишина вокруг него заурчала, как вскипевший чайник. Но Стритер

даже не услышал, как в прихожей первый раз зазвенел звонок.

Посетитель в такое время?

Колени у Уолтера задрожали. Он не представлял себе, кто там мог быть, и поэтому почувствовал огромное облегчение, увидев на пороге высокую фигуру в полицейском мундире.

— Проходите-проходите, дорогой мой! — радостно воскликнул Стритер и с широкой улыбкой протянул своему охраннику руку. Но тот не взял ее. — Вы там, наверное, на улице, совсем замерзли? А я и не знал, что идет снег, — добавил он, заметив на плаще и шлеме констебля крупные тающие хлопья. — Заходите, согрейтесь.

— Спасибо, — сухо сказал вошедший. — Я не возражаю.

Уолтер был хорошо знаком с полицейской манерой говорить и принял эти слова, как самое радостное согласие.

— Вот сюда, — пригласил он. — Я тут работал в кабинете, засиделся, знаете ли... Черт возьми, а и в самом деле холодно! Подождите, я посильнее включу газ в камине. Ну а теперь раздевайтесь и располагайтесь, как дома.

— Да я ненадолго, — заскромничал полицейский. — У меня ведь работа, как вам это известно.

— Ну да, конечно, — смутился Уолтер. — Такая глупая работа... Синекура¹, — тут он запнулся, спросив себя, а знает ли этот полицейский, что такое синекура, и, не найдя ответа, почел за лучшее переменить тему. — Надеюсь, вы в курсе насчет открыток?

Полицейский кивнул.

— Но пока вы здесь, я уверен, что со мной ничего не случится, — улыбнулся Стритер. — Я чувствую себя в безопасности... как эти старые дома, которые вы охраняете. Оставайтесь со мной, сколько сможете, и выпейте чего-нибудь.

— Я никогда не пью на службе, — отказался констебль и, все еще в плаще и шлеме, стал оглядывать комнату. — Так, значит, здесь вы и работаете? — спросил он.

— Да, я как раз писал, когда вы позвонили.

— Опять о каком-нибудь несчастном негодяе?

— Да нет, а что? — Уолтеру не понравился такой недру-

¹ Синекура (церк. лат.): здесь — занятие, позволяющее без особого труда получать большие деньги или привилегии (Прим. перев.).

желюбный тон, и тут он заметил, какие неприятные красноватые глаза у этого типа.

— Сейчас я вам все объясню, — сказал полицейский, но в эту минуту раздался телефонный звонок. Уолтер извинился и вышел из комнаты.

— Вам звонят из полицейского участка, — раздался голос в трубке. — Это мистер Стритер?

— Да.

— Ну что, мистер Стритер, как там у вас? Надеюсь, все в порядке? Я вот почему спрашиваю: вы уж извините, что мы не смогли никого к вам послать. Это все из-за плохой согласованности тут у нас.

— Да нет же, — возразил Уолтер. — Вы уже послали.

— Нет, мистер Стритер. Вы ошибаетесь.

— Но у меня в доме сейчас находится ваш полицейский.

Наступило молчание, потом собеседник Уолтера снова заговорил, но уже не так беспечно:

— Это не наш. Вы видели его номерной значок?

— Нет.

Опять молчание, а затем осторожный вопрос:

— Вы хотите, чтобы мы кого-нибудь к вам прислали?

— Да, пожалуйста...

— Хорошо, мы будем у вас в один миг.

Дрожащей рукой Уолтер повесил трубку. «Что же мне делать? — лихорадочно думал он. — Забаррикадировать дверь? Бежать на улицу? Попробовать разбудить экономку?.. Конечно, с любым полицейским нужно считаться, но с полицейским-МОШЕННИКОМ?! С тем, кто раньше охранял законы, а теперь сам стал их нарушать? Ну нет уж! Но сколько времени будет добираться сюда настоящая полиция? Что такое «мигом», если измерять это минутами?..»

Пока он так рассуждал, дверь открылась и вошел его посетитель.

— Нельзя скрыться в доме, если гость уже попал в него, — злорадно заметил он. — Вы не забыли, что я был полицейским?

— Был? — в ужасе спросил Уолтер, отодвигаясь от него подальше. — Но вы же и сейчас полицейский.

— Нет, дорогой мой, после этого я успел побывать и в других ролях, — ответил констебль. — Вор, сводник, шантажист, не считая, конечно, убийств. Уж ВЫ-то должны это знать!

Полицейский, или кем он там был на самом деле, начал медленно приближаться к нему, и Уолтер с ужасом оценивал теперь разделяющее их ничтожное расстояние между сервантом и столом, между одним стулом и другим...

— Я вас не понимаю, — дрожащим голосом произнес Стритер. — Почему вы так со мной разговариваете? Ведь я не сделал вам ничего плохого. И никогда раньше вас даже не видел!..

— Неужели? — усмехнулся неизвестный. — Но зато вы много думали обо мне и, — тут он повысил голос почти до крика, — вы писали обо мне! Вы сделали из меня настоящее посмешище, не правда ли? А теперь я сделаю посмешище из вас. Ведь это вы сотворили меня таким невыносимым. А разве это не вред? Вы не подумали, каково живется такому человеку, как я, верно? Вы ни разу даже не попытались встать на мое место. У вас ведь не было ко мне ни капли жалости, да? Ну и у меня к вам жалости не будет!

— Но я же говорю вам, — закричал Уолтер, цепляясь за край стола, — я вас не знаю!

— А я вам говорю, что знаете! Сначала вы сделали со мной все это, а потом решили забыть обо мне?! — голос незнакомца вдруг перешел на визг, в котором звучало какое-то истерическое сочувствие к самому себе. — Вы совсем забыли про Уильяма Стрейнсфорта!

— Уильям Стрейнсфорт?!

— Да. Ваш личный козел отпущения. Вы обрушили на меня все, что только могли. Вы ведь чувствовали себя прекрасно, когда писали обо мне, не правда ли? А теперь я спрашиваю вас, как один У. С. другого, что я, по-вашему, должен делать, если учитывать мой характер и мои наклонности?

— Я... я не знаю, — растерянно пробормотал Уолтер.

— А, так вы не знаете? — ухмыльнулся Стрейнсфорт. —

А должны бы знать, ведь вы мне как отец. Ну так что должен сделать Уильям Стрейнсфорт, если он встретит своего папочку в тихом местечке? Своего милого старикашку папочку, который заставил его совершить все эти преступления!

Выпученными от страха глазами Стритер молча смотрел на него.

— Вы не хуже меня знаете, что бы он с ним сделал, — сказал Стрейнсфорт. Потом выражение его лица резко переменялось. — Нет, пожалуй, вы все-таки не знаете, потому что вы, к сожалению, так меня до конца и не поняли. А я не такой уж и страшный, как вам кажется. — Гость замолчал и задумался, и искорка надежды вспыхнула в сердце Уолтера. — Вы ведь просто не давали мне возможности проявить себя хорошим, верно? Ну так я вам дам такую возможность. И это, кстати, еще раз доказывает, что вы меня так и не поняли, как это ни печально.

Уолтер согласно кивнул.

— И еще кое о чем вы позабыли...

— О чем же?

— Я ведь был когда-то ребенком, — тоскливо вздохнул бывший полицейский.

Уолтер не ответил.

— Вы это не отрицаете? — мрачно спросил Уильям Стрейнсфорт. — Хорошо, тогда скажите, какой добродетелью вы меня наградили? Хотя бы одним добрым помыслом? Хоть одной положительной чертой, которая могла бы искупить вашу вину?

— Ну... — промямлил Уолтер. Он чувствовал сильную дрожь.

— Ну говорите, и тогда я вас отпущу.

— А если я не смогу вам ответить? — прошептал Стритер.

— Боюсь, что тогда для вас все очень плохо. Нам ведь придется разобраться с этим; вы понимаете, что я имею в виду? Конечно, вы отняли у меня одну руку, но вторая-то у меня еще осталась! «Однорукий Стрейнсфорт» — так ведь вы меня называли?

Уолтер задышался

— Я даю вам две минуты, — прошептал Стрейнсфорт.

Оба они посмотрели на часы. Сначала крадущееся движение руки Стрейнсфорта парализовало мысли Уолтера. Обезумев от страха, он пристально смотрел в лицо своего героя, в это жестокое, лукавое лицо, которое все время находилось в тени, будто свет не мог к нему прикоснуться. В отчаянии он пытался отыскать то, что должно было его спасти. Но память, точно сжатый кулак, не хотела выпускать ни одной спасительной мысли.

«Я должен что-нибудь изобрести», — как заклинание твердил про себя Стритер, и вдруг мысли покинули его, и он четко, как на фотографии, увидел последнюю страницу своей книги. Потом, словно в волшебном сне, все страницы одна за другой пронеслись перед ним, и Уолтер понял: то, чего ему так не хватает, то, что он ищет — этого просто нет ни в одной из его книг. Он создавал только зло, и не было в его романах ни одного намека на хорошее.

— Мне нечего вам сказать! — закричал он. — Вы совершили множество преступлений, но то, что вы собираетесь сделать сейчас, — это самое ужасное из них! И вы еще хотите, чтобы я обелил вас? Да даже снежные хлопья на вас чернеют! Как вы смеете просить меня о новых человеческих качествах? Я уже наделил вас одним характером, и Бог свидетель, я никогда не вспомню о вас ничего хорошего. Лучше уж я умру!

Единственная рука Стрейнсфорта резко вытянулась вперед.

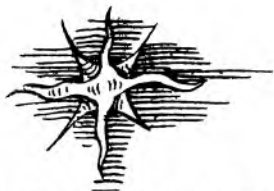
— Тогда умри! — прохрипел он.

Полиция нашла Уолтера Стритера распростертым на обеденном столе. Тело его было еще теплым, но сердце уже не билось. Эксперты, пытавшиеся восстановить обстоятельства происшествия, не исключали возможность убийства. Однако патологоанатом так и не смог установить точную причину смерти. Была, правда, одна улика, но она ни к чему не вела: на столе и одежде погибшего лежали крупные хлопья тающего снега. Вода стекала по шее покойного и обильно пропитала его белье. Возможно, что каким-то образом она попала и в желудок несчастного, что вполне могло стать причиной смерти, поскольку анализ показал высокое содержа-

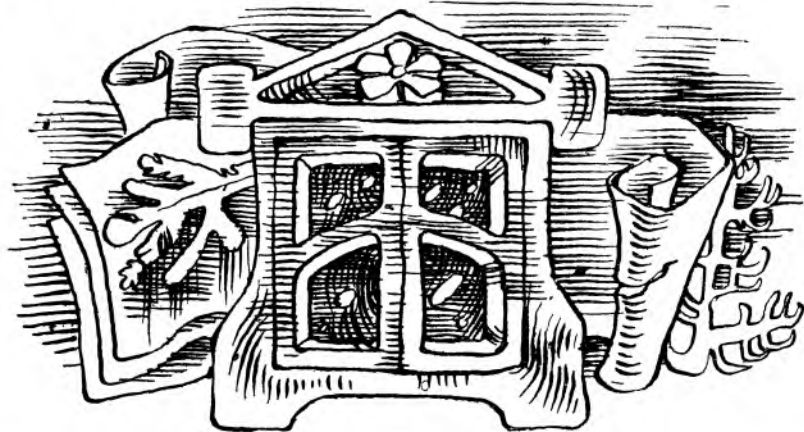
ние в снеге ядовитых веществ. А может быть, бедняга просто покончил с собой.

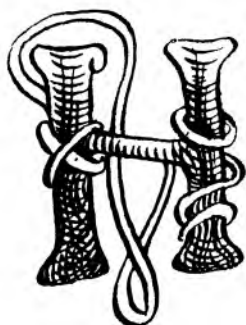
Но, что бы там ни было, оставалось загадкой, откуда могли взяться эти странные хлопья. Ведь в тот день ни в одном районе Англии не было снега.

РОЗМАРИ
ТИМПЕРЛИ

ВСТРЕЧА
♦ В ♦
РОЖДЕСТВО

никогда раньше я не встречала Рождество в одиночестве.

Я вообще стараюсь побольше бывать на людях. Дело в том, что у меня появляется какое-то жуткое чувство всякий раз, когда я сижу одна в своих меблированных комнатах. Голова тут же оказывается забитой привидениями, комната наполняется голосами прошлого. Вот и сейчас это чувство опять начинает неумолимо охватывать меня; все прошлые праздники Рождества сплетаются в какую-то дикую путаницу: Рождество в детстве — дом полон родственников, елка на окне, монетки в пудинге, а утром — хрустящий чулок с подарками; Рождество во времена отрочества, с огнем и матерью, — идет война и очень холодно, а еще приходят письма из-за границы; потом первое Рождество, когда я уже по-настоящему взрослая, — мы встречаем его с моим любимым: снег, церковное пение, потом красное вино и пошелун, и мы долго идем пешком в ночи. Земля совсем белая, а звезды кажутся огромными бриллиантами на темном небе — так много раз проходило Рождество.

А теперь я впервые встречаю праздник одна. Неужели и весь новый 1952 год мне придется провести в одиночестве?

Но одиночество это не совсем полное. Я ощущаю незримое присутствие всех тех, кто тоже был одинок под Рождество, — этих миллионов людей в прошлом и настоящем. И мне даже начинает казаться, что если закрыть глаза, то не будет ни прошлого, ни будущего — одно только бесконечное настоящее, которое и есть ВРЕМЯ, потому что это единственное, что у человека нельзя отнять.

И я уверена, что как бы вы ни были циничны и нерелигиозны, у вас все равно возникнет странное чувство, если придется встречать Рождество в одиночку.

Поэтому я очень обрадовалась, когда ко мне в комнату зашел этот молодой человек. Нет, ничем романтическим тут

и не пахло — мне уже почти пятьдесят, я настоящая «училка» — старая дева с пучком темных волос и близорукими глазами, которые когда-то были красивыми. А он — совсем мальчик, ему лет двадцать, и он как-то непривычно одет: у него гладкий галстук цвета бордо, черная бархатная куртка и коричневые завитые кудри, над которыми, наверное, долго мудрил парикмахер. Такой женственный костюм никак не подходит к резким чертам его лица: у него пронзительные узкие голубые глаза, надменный подбородок и строгий нос. Но выглядит он не то чтобы сильным, а скорее решительным. Кожа натянута, и он очень бледен.

Этот юноша ворвался ко мне без стука, а потом остановился и говорит:

— Простите, я подумал, что это моя комната. — И собрался уйти, но, поколебавшись, остался и спросил: — Вы одна?

— Да.

— Это так странно — встречать Рождество в одиночестве, правда? Можно я останусь с вами и мы немного поговорим?

— Я буду только рада.

Он прошел в гостиную и сел у камина.

— Я думаю, вы не считаете, что я нарочно пришел к вам? Я в самом деле подумал, что это моя комната, — объяснил он.

— Я рада, что вы ошиблись. Но вы еще слишком молоды, чтобы встречать Рождество в одиночестве.

— Я решил не ехать в деревню к родителям. Это задержит мою работу; я писатель.

— Понимаю, — серьезно отвечаю я и не могу сдержать улыбку. Теперь ясно, почему он так странно одет. И у него такой важный вид, у этого ребенка!

— Конечно, вы не должны терять ни минуты драгоценного времени, — говорю я с огоньком в глазах.

— Да, ни единой минуты! А мои родственники этого не понимают. Они не выносят спешки.

— Что поделаешь, семьи никогда не понимали артистические натуры...

— В самом деле, — серьезно соглашается он.

— А что же вы пишете?

— Стихи в сочетании с дневником. Называется «Мои поэмы и я». Фрэнсис Рандаль — так меня зовут. Родители говорят, что в моей поэзии ничего нет, что я слишком молод. Но я не чувствую себя молодым. Иногда мне кажется, что я глубокий старик, которому перед смертью надо еще очень много успеть сделать.

— ...вращаясь все быстрее и быстрее на колесе творчества?

— Да, именно так! Вы понимаете! Вы обязательно должны как-нибудь прочитать мои работы. Пожалуйста, прочитайте! — В голосе его звучит нотка отчаяния, и я примирительно говорю:

— Ну, кажется, мы стали уж слишком серьезными для Рождества. Я сейчас приготовлю вам кофе. И у меня есть еще сливовый пирог.

Я удаляюсь, гремя чашками, засыпаю в кофейник порошок. Но я, должно быть, чем-то обидела его, потому что когда я вернулась в комнату, то обнаружила, что его уже нет. Что и говорить, я была очень удивлена и расстроена.

Но тем не менее я заканчиваю варить кофе и поворачиваюсь к книжной полке. На ней рядами стоят старые тома. Моя хозяйка рассыпалась в извинениях за них: «Я надеюсь, книги не помешают вам, мисс? Видите ли, мой муж никак не может с ними расстаться, а поставить их больше некуда. Но зато из-за этого неудобства мы немного снижаем плату за комнаты».

— Я не против, — сказала я тогда. — Книги — лучшие друзья.

Но эти книги почему-то смотрят на меня недружелюбно. Я выбираю одну наугад. Или сама судьба в этот момент движет моей рукой?

Попивая кофе и затягиваясь сигаретным дымом, я начинаю читать маленький потрепанный томик, изданный, как я вижу, весной 1852 года. В основном здесь стихи. Незрелые, но очень красочные и живые. Потом идет что-то похожее на дневник. Из любопытства я открываю дневниковую запись за Рождество 1851 года, чтобы посмотреть, нет ли и там каких-нибудь сравнений, и читаю: «Впервые я справляю Рождество в одиночестве. Сегодня со мной произошло нечто странное. Когда после прогулки я вернулся в свои апартаменты, то увидел в комнате незнакомую женщину средних лет. Сначала я решил, что по ошибке зашел в другой дом,

но это было не так. Потом, после приятной беседы, она внезапно исчезла. Я полагаю, что это было привидение. Однако я не испугался. Она мне даже понравилась. Но я себя что-то очень плохо чувствую сегодня. Совсем плохо. Никогда еще мне не было так скверно под Рождество»

За этой последней записью шла приписка редактора. «Фрэнсис Рандель умер от неожиданного сердечного приступа в ночь на Рождество 1851 года. Женщина, которая упоминается в его дневнике, была последней, кто видел поэта живым. Несмотря на все попытки отыскать ее, ее личность так и не удалось установить»

Подписано в печать 20.03.1992 г. Формат 60×84/16. Объем 5 п. л.
Тираж 150.000 экз. (1-й завод — 75.000 экз.). Зак. 1703.

Типография «Гудок» Москва, Станкевича, 7

В следующем выпуске нашей серии читайте:

- **Роберт У. Чамберс «Желтый знак»**
- **К. С. Форестер «Физиология страха»**
- **Г. Ф. Ловкрафт «Заявление Рэнфольда Картера»**
- **Роберт Блох «Записки, найденные в пустом доме»**
- **Дон Масилло «Мечь сестры Коксэлл»**

ПСЫ ТИНДАЛА

и другие рассказы

Мы продолжаем знакомить Вас с лучшими произведениями мировой литературы ужасов в жанре рассказа

В сборник включены работы пяти известнейших английских и американских писателей этого направления

- Фрэнк Белкнап Лонг «ПСЫ ТИНДАЛА»
- Карл Якоби «ОТКРОВЕНИЯ В ЧЕРНОМ»
- Кларк Эштон Смит «РАССКАЗ САТАМПРЫ ЗЕЙРОСА»
- Л. П. Гартли «У. С.»
- Розмари Тимперли «ВСТРЕЧА В РОЖДЕСТВО»

— ЛУЧШАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПЕРЕД СНОМ!

